РОВЕСНИК

ДЖОН ЛЕННОН родился в Ливерпуле 9 октября 1940 года

октябрь

10'90

ISSN 0131—5994

Адреса для переписки:

Едва мы подготовили к публикации письма из США с предложениями наладить дружескую переписку между советскими и американскими сверстниками («Ровесник» № 8), как в редакцию поступили новые сообщения, и в них речь о том же самом.

Первое письмо пришло от американской общественной организации «Письма мира». Начиналось оно с крупного заголовка: **«СЕГОДНЯ МНОГИЕ АМЕРИКАНЦЫ ИЩУТ ДРУЗЕЙ ПО ПЕРЕПИСКЕ В СССР»**. И далее.

«Организация «Письма мира» вот уже восемь лет помогает американцам установить переписку с советскими людьми. В последние годы ситуация изменилась, и сегодня инициаторами переписки выступают советские граждане. Однако по-прежнему технические специалисты, студенты, художники, фермеры, рабочие фабрик и особенно школьники в США с нетерпением ожидают писем из Советского Союза.

Все письма от советских людей, которые получит организация, будут переданы американцам соответствующих возрастов, профессий и интересов. Написание писем по-английски желательно, но не обязательно. Письма следует отправлять по адресу:

Letters for Peace, Inc.
238 Autumn Ridge Road
Fairfield, CT 06432
USA».

Другое письмо было из средней школы Рай в штате Нью-Йорк:

«Дорогой сэр!

Я организатор Клуба друзей по переписке в средней школе Рай, штат Нью-Йорк. Многие из моих учеников хотели бы лучше знать вашу страну и переписываться со сверстниками в СССР. Не могли бы вы прислать нам адреса мальчиков и девочек в возрасте от 12 до 14 лет, желающих иметь друзей по переписке в США? Пожалуйста, пишите по адресу:

Miss Abby Crockett
Rye Middle School
Parsons Street
Rye, New York 10580
USA».

Так как в «Ровеснике» нет службы друзей по переписке, мы решили просто опубликовать этот адрес. Писать следует по-английски.

От Международного общества дружбы (его штаб-квартира находится в Сеуле, Южная Корея) пришло следующее письмо:

«Дорогой сэр!

Наше общество основано в 1966 году и является некоммерческой всемирной организацией. Она помогает учащимся разных стран наладить переписку, чтобы лучше узнать жизнь друг друга и установить дружеские отношения.

Эпистолярный жанр может показаться устаревшим в наш космический век, однако, как доказывает мой двадцатилетний опыт в этой области, простой листок письма обладает удивительными возможностями. Чудесно, что молодые люди могут обмениваться идеями, мыслями, даже увлечениями, несмотря на языковой и культурный барьеры, на разделяющие их границы. Через письма они узнают не только о том, что живут поразному, но и об общих проблемах, существующих в их странах. В будущем, я надеюсь, переписка приведет к тому, что они подружатся, смогут освободиться от предубеждений и неверных представлений, зачастую преобладающих в современном обществе.

Желательно, чтобы письма были написаны на английском языке. Возраст — от 13 до 25 лет. Пусть советские учащиеся, которые желают переписываться с корейскими, в письмах напишут о себе и пришлют их на наш адрес:

International Friendship Society
P.O. Box 100,
Central,
Seoul,
Korea».

Еще одно письмо было от редакции журнала друзей по переписке «Ратна интернэшнл», издающегося в Бангладеш. В письме содержалась просьба перепечатать в «Ровеснике» адреса, опубликованные в их журнале. Но такое нам не под силу: ведь пришлось бы опубликовать одиннадцать страниц адресов только из одного номера «Ратны»! Поэтому мы даем лишь адрес журнала, куда вы можете написать сами:

Ratna International
Pen Friendship and Hobby magazine
33, Ahmedbagh,
Bashabo,
Dhaka — 1214,
Bangladesh.

Напоминаем: пишите по-английски, в письме укажите ваш возраст, увлечения, а в конверт вложите свою фотографию.

Кроме того, мы можем предложить адреса некоторых международных организаций, взятые из зарубежных справочников:

«Международная служба друзей по переписке» (Италия). Интеллектуальное общение, изучение иностранного языка через переписку; языки: английский, французский, итальянский; возраст 10—20 лет. Адрес:

Servizio International Amici per Correspondenza
1—10015 Ivrea
Italy.

«Международные друзья по переписке» (Ирландия). Язык — английский. Адрес:

International Pen Friends
BOX 340, Dublin 12
Ireland.

«Одаренные дети — друзья по переписке» (США). Переписка детей-вундеркиндов из США и других стран; язык — английский; возраст 4—18 лет. Адрес:

Gifted Children's Pen Pals International
c/o Debby Darby, Ph. D.
166 E 61 st. St.
BOX 83,

New York, NY 10021
USA.

«Друзья по переписке» (США). Переписка между слепыми детьми, детьми-инвалидами. Адрес:

Pen Pals
PO BOX 36524
Gross Point, MI 48236
USA.

«Клуб друзей по переписке, любителей научной фантастики» (США). Язык — английский. Адрес:

Science Fiction Pen Pal Club
PO BOX 2522
Renton VA 98056
USA.

«Всемирное общество любителей животных» (США). Подбор друзей по переписке по возрасту и по привязанности к виду животных; язык — английский. Адрес:

Worldwide Pet Lovers Society
PO BOX 36351
Detroit, MI 48236
USA.

«Прямая связь» (США). Обмен экологической информацией, осуществление совместных проектов по спасению окружающей среды. Адрес:

Direct Connection
PO BOX 2745
Grass Valley, CA 95945
USA.

«Мир без войны» (США). Сбор адресов неформальных организаций и граждан СССР, заинтересованных в налаживании дружеских контактов с иностранцами. Адрес:

World Without War
2929 NE Blakely Street,
Seattle, WA 98105
USA.

«Одно небо, один мир» (США). 8 октября каждого года организация проводит всемирный фестиваль воздушных змеев за мир. Адрес:

One Sky, One World
PO BOX 11149
Denver, CO 80211
USA.

«Фонд Саманты Смит» (США). Налаживание дружеских контактов между советскими и американскими детьми. Адрес:

Samanta Smith Foundation
9 Union Street
Hallowell, ME 04347
USA.

В НОМЕРЕ:

РОВЕСНИК '90

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

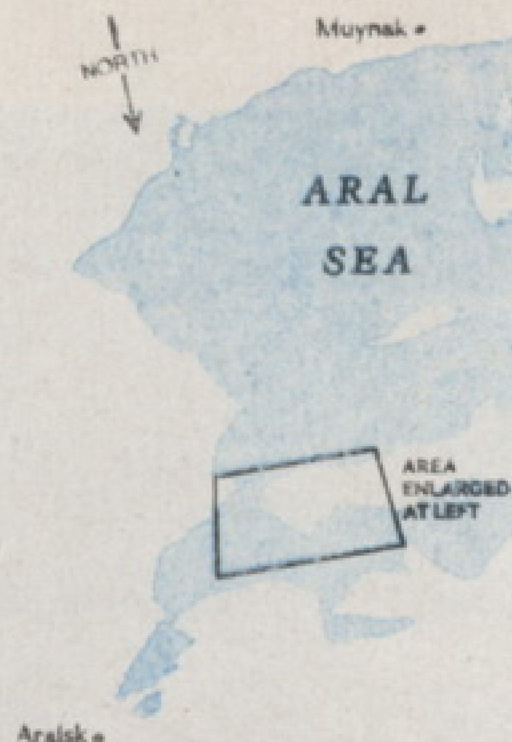
№ 10 октябрь

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ (ответственный секретарь), С. В. КОЗИЦКИЙ, В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Н. Н. РУДНИЦКАЯ, Э. М. САГАЛАЕВ, В. Г. СИМОНОВ, С. Н. ЧЕЛНОКОВ, И. А. ЧЕРНЫШКОВ (зам. главного редактора)

Художественный редактор Т. Н. Филипповская
Оформление художника И. М. Неждановой
Технический редактор М. В. Симонова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны: 285-89-20 — для справок, 285-80-62 — отдел писем. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.
Сдано в набор 17.08.90. Подписано в печ. 11.09.90. Формат $84 \times 108^1/_{16}$. Печать офсетная. Бумага офсетная, глазированная с покрытием. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,44. Уч.-изд. л. 5,6. Тираж 2 975 000 экз. Цена 35 коп. Зак. 2175.
Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Смотрите:

Корабли пустыни — не метафора, не сюрреализм — лежат на песке. На ржавом борту написано мелом: «Прости нас, Арал. Вернись, пожалуйста». Но солнце сжигает море буквально на глазах: за 30 лет строительства оросительных систем для хлопковых плантаций величайшие реки Средней Азии Амударья и Сырдарья, тысячелетиями наполнявшие море, обмелели, высосанные каналами; площадь моря уменьшилась на 40 процентов (место, обведенное на карте квадратиком, раньше было морем), объем — на 66. Умер рыбный промысел, из-за песчаной пыли, поднимающейся со дна высыхающего моря, среди окрестных жителей растет число заболеваний раком горла.

Слезами моря не наполнишь. На Арал съезжаются экологи разных стран, вместе думают, как помочь беде: ведь Аральская трагедия — предвестие того, что ждет природу всей планеты, если не принять экстренных мер. Если этого не сделать, то к 2000 году Арал уменьшится в 10 раз, море исчезнет совсем.

Аральское море сегодня — таким его увидел фотокорреспондент американского журнала «Нэшнл джиогрэфик» Дейвид Терили.

«Тайвань? Да, я там был. И в Южной Корее тоже был. И не один. Нас была целая делегация от городского комитета Хошимина. Несколько лет назад вьетнамцев, вернувшихся из Тайваня или Сеула, немедленно бы отправили на перевоспитание в лагерь. Сегодня считается нормальным, что люди едут изучать на месте успешные модели экономики. Мы вынуждены признать, что Южная Корея и Тайвань — процветающие страны. И нам у них учиться и учиться. К тому же у них огромные валютные ресурсы, которые они не против вкладывать в наши дела».

В темном костюме с коричневым шелковым галстуком, тщательно причесанный седеющий Нгуэн Конг Ай больше похож на японского бизнесмена,

Рене БАКМАНН, французский журналист

Освобождение труда

Начиная с 1946 года Вьетнам воевал — сначала с французами, до 1954-го, потом после небольшого перерыва — на юге с Сайгоном и США. До 1975-го. Весной того года Народные вооруженные силы провели операцию под кодовым названием «Хо Ши Мин» — в честь вдохновителя побед Хо Ши Мина — и заняли, как тогда писали, последний оплот марионеточного режима. Тридцать лет потребовалось, чтобы зародившаяся на севере страны идея построения единого социалистического Вьетнама с боями дошла до юга. Но и потом еще были конфликты с Пекином и полпотовцами, всяческие трудности и испытания, и почти не было мирной, нормальной, достойной человека жизни. Сегодня она, преодолевая сопротивление тех, кто построил государство для государства, пробивается с юга — на север.

чем на бывшего вьетконговца. И тем не менее он влиятельный член руководства компартии, заместитель председателя городского совета Хошимина. Погрузившись в салоне свежеотремонтированной городской ратуши в глубокое кресло, не выпуская чашку чая из рук, он с наслаждением гурмана описывает первые конкретные результаты «дой-мой», вьетнамской версии перестройки. «За три года у нас появилось 200 частных предприятий. А это — 20 тысяч новых рабочих мест. Я не говорю, что мы уже решили все проблемы. Я знаю, что в Хошимине 200 тысяч безработных, и каждый год еще 20 тысяч школьников оканчивают учебу. Но ведь это только начало!»

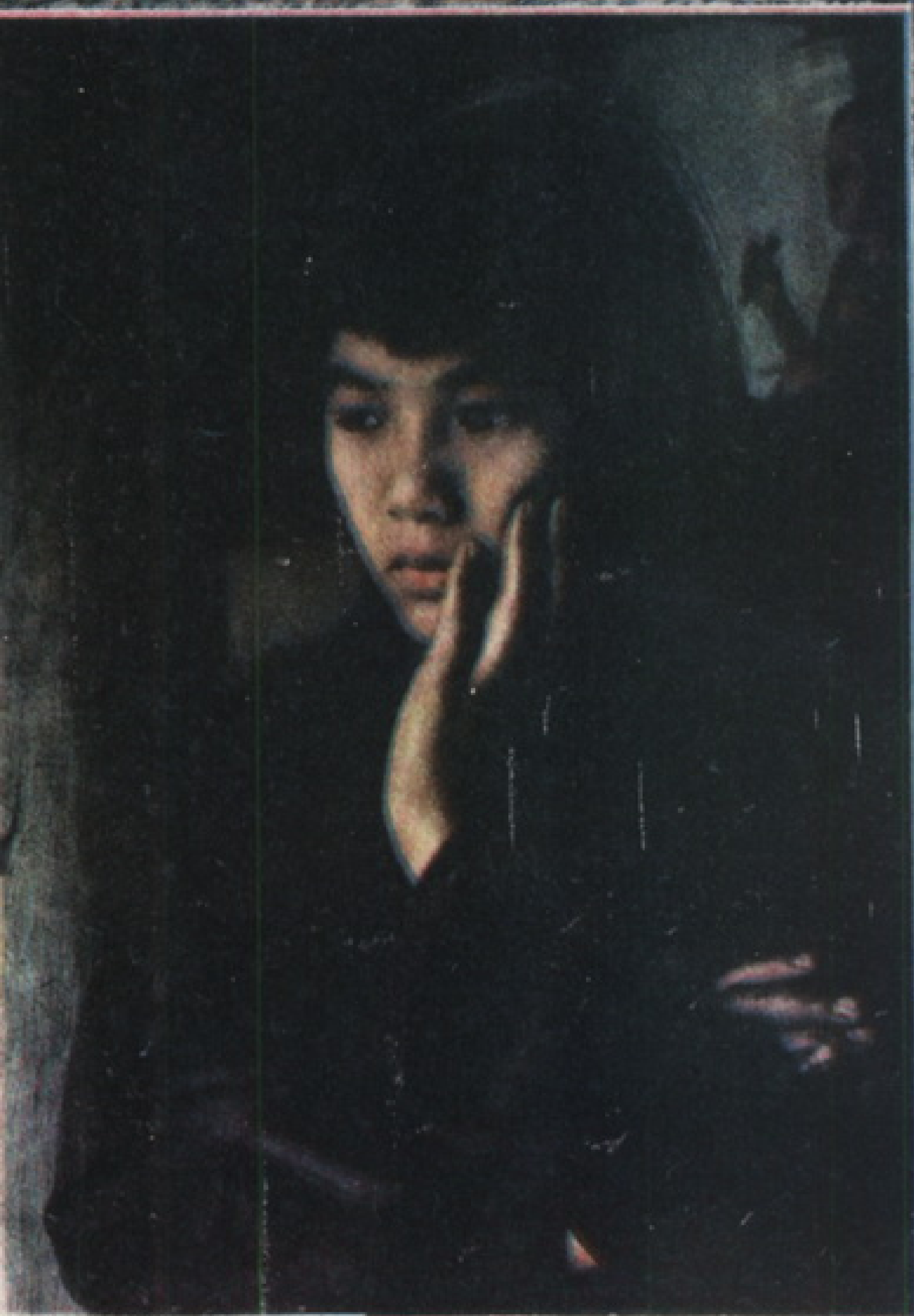
И какое начало! Лучше всех статистических сводок, которым мало кто верит, о резком взлете Южного Вьетнама говорят улицы старой столицы. Торговля переживает настоящий расцвет. Кафе, игровые залы, видеосалоны — по нескольку на каждом углу. Объявленная в конце войны феодальным пережитком традиционная вьетнамская туника ао-дай вновь в моде. В магазинах, пустовавших последние десять лет, есть все, что продается и покупается и в Токио, и в Карачи. Семьсот ювелирных лавок открылось за последний год. Старые «Волги» и другие советские машины, бывшие после освобождения Сайгона самыми роскошными на фоне проржавевших американских монстров, уже и не видны в потоках японских машин, завозимых через Таиланд и Сингапур. Отцы города и сами без идеологических колебаний сменили черные «Волги» на новые «порше» и «мерседесы».

Старые городские гостиницы, модернизированные до неузнаваемости, полны иностранцев. Открылся наконец отремонтированный со времен, когда Грэм Грин написал здесь своего «Тихого американца», «Континенталь», гостиница «Куу Лонг» обрела свое старое, но не забытое название «Мажестик». В двухстах метрах от нее на громадной барже, пригнанной из Сингапура, покачивается ультрамодерновый «Сайгон-отель». Его ночной клуб «Даун андер» стал местом встреч новой молодежи, которую уже не называют презрительно «золотой». «Новая молодежь» — и все.

В Шолоне, китайском квартале, вновь открылись рестораны и ночные заведения. Наркомания и проституция, с которыми жестоко боролись все эти годы блюстители социалистической морали, никогда не исчезали из города. Теперь хотя бы точно известно, что в городе 22 тысячи проституток и 26 тысяч наркоманов, и можно начать честную борьбу.

Через пятнадцать лет после победоносного вступления в город коммунистов Северного Вьетнама космополитический и меркантильный Сайгон вновь проступает сквозь так и не прижившийся Хошимин. «Я создал свою фабрику в 1983 году: мы с женой купили несколько старых ткацких станков,— говорит Тхан Дук Нам, президент самой крупной компании Хошимина по выпуску одежды.— Однако работать по-настоящему мы начали только после реформ». Тхан, бывший капитан снайперов Южной армии, вышел из так называемого «лагеря перевоспитания» в 1978 году. Первым его желанием было бежать из страны. Его отец — офицер-пропагандист в армии коммунистов, уговорил его остаться. «Я не жалею, что послушался его»,— говорит сегодня Тхан, сидя в своем маленьком бюро, доверху заваленном образцами одежды, которую он продает в Польшу, Гонконг и ФРГ, и пачками донгов — завтра у рабочих зарплата. Рабочих у Тхана 300 человек, работают в две смены, работают столько, сколько нужно, потому что зарплата выше, чем в министерствах.

Либерализация экономики, реабилитация самого понятия «прибыль» и частной собственности сопровождаются притоком капиталов из-за границы. Закон об иностранных вкладах, принятый в 1987 году, оберегает иностранные предприятия от национализации, позволяет вывозить прибыль из страны и дает полную свободу владельцу набирать и увольнять работ-

ников. Привлеченные такими льготными условиями вкупе с освобождением от налогов иностранцы буквально наводнили Хошимин. Вводятся дополнительные рейсы для самолетов из Бангкока, Манилы, Джакарты и Парижа.

Сказалась и «деколлективизация» земель: сельское хозяйство, в котором заняты три четверти вьетнамцев, начало, наконец, кормить свой народ. Овощи, фрукты, птица, рыба — всего этого хватает на многочисленных базарах. В 1988 году в нескольких провинциях страны был голод. В 1989-м страна уже экспортировала более миллиона тонн риса. Накормить себя для страны с чрезвычайно сложной демографической ситуацией значит многое. И самое главное — мужество отказаться от старых взглядов.

...Нгуен Тху Тху — вдова видного деятеля партии, убитого американцами. Она и сама пользовалась особым доверием Хошимина. Люди прозвали ее «сеньора джунглей».

Обстоятельная, вежливая, деликатная женщина, еще сохранившая черты былой красоты. Она любит носить ао-дай и своеобразный шарф, который был символом Сопротивления.

Она говорит, что, кроме всего прочего, этот шарф служил и для того, чтобы душить американских солдат. Когда ее спрашивают, почему она предпочитает носить традиционную одежду, Тху Тху с очаровательной улыбкой отвечает: «Пощадите! Я же уже немолода. Мне бы не пошла одежда в западном стиле. Во всяком случае, я полагала, что в жизни важнее менять свои взгляды, чем свой гардероб».

И у нее всегда хватало мужества менять свои взгляды. Она начала сражаться против французов, когда ей было восемнадцать, а сейчас ей 65, и она готова скрестить шпаги с защитниками ортодоксального социализма. Она никого не боится, эта «сеньора джунглей». Когда она заметила, что старые устои вот-вот рухнут и это приведет к краху страну, она начала пробовать на своем предприятии новые методы и принципы управления, стараясь сочетать плановое хозяйство со свободным рынком.

Разрыв со старой системой ведения хозяйства был оценен, правда, некоторыми отрицательно. «Восемь лет назад меня даже обвиняли в том, что я склоняюсь к капитализму. Полицейский пришел ко мне домой, чтобы арестовать меня, но я выбрала время и позвонила своему другу, который был тогда членом Центрального Комитета. Он сразу же пришел и сказал, что полицейский должен арестовать и его, если он арестует меня. Полицейский, побледнев, извинился и, поклонившись мне, ушел». Энергичная, уверенная в себе, мадам Тху дает по телефону указания, согласовывает время встречи, а если надо, то и пропускает обед, чтобы не терять времени. Она директор первого частного банка, созданного при участии государства, и глава крупнейшего во Вьетнаме предприятия по производству и доставке продуктов питания. Благодаря своей настойчивости и беспристрастности она добилась заметных успехов. На ее предприятии ежемесячно вырабатывается продукции на шесть миллионов долларов, причем половина этих денег идет государству. Средняя зарплата семисот управляемых ею рабочих колеблется от 35 до 70 долларов в месяц, что является чуть ли не рекордом для страны. В последнее время «империя» мадам Тху расширилась и включает сейчас в себя еще и перерабатывающий завод и 31 завод по обработке риса. Каков же секрет успеха этой женщины? Он очень прост,

как говорит она сама: «Я не боюсь использовать методы капиталистов».

Быстрое обновление Юга, увы, по нраву не всем. Привычный к нищете и железной дисциплине Север, несмотря на кое-какие эксперименты, не торопится расставаться с велосипедом и пробковым армейским шлемом. Автомашина в этих краях по-прежнему символизирует чуждую роскошь, а «дой-мой» воспринимается как новое испытание для измученного тридцатилетней войной и задавленного постсталинизмом северянина. Инфляция, в 1987 году достигавшая 550 процентов, теперь сбита до 30. Но у перестройки есть и свои «жертвы», и здесь им ведется особо тщательный счет. Чистка государственных учреждений увеличила число безработных на 75 тысяч человек. Демобилизация за два года добавила еще 500 тысяч. Ожидается возвращение из Восточной Европы двухсот тысяч рабочих. Добавить к этому всплеск финансовых преступлений, коррупцию — и вот вам популярные аргументы против нововведений. Учтите еще и то, что главный теоретик в классическом виде применяемой во Вьетнаме шоковой терапии,— экономист, который не один год «перевоспитывался» и, только недавно выйдя на свободу, был реабилитирован. Теперь вы можете представить себе сопротивление тех, кому не по душе, что полные тексты его отнюдь не марксистско-ленинских докладов о финансовых реформах публикуются центральной прессой.

Появление на частных предприятиях и в администрации людей, чье прошлое связано с бывшим режимом Сайгона, использование для выведения страны из нищеты рецептов классического капитализма вызывает гнев у старой партийной гвардии. Поколение руководителей, чьими «университетами» почти полвека были джунгли, подполье и тюрьма, с трудом выговаривают само слово «дой-мой». В Ханое же эти палеокоммунисты по-прежнему держат в своих руках основные рычаги партийной и государственной власти. И не только в Ханое. Бывшие партизаны, храбро сражавшиеся в джунглях, продолжают верно служить тем, кто пятнадцать лет назад послал их на мирный фронт. Часто безграмотные, некомпетентные, но по-прежнему всевластные, они не вызывают любви у населения. Но они знают, что реформы могут заставить их расплачиваться за благосостояние народа своими постами, и не хотят этого.

Пойдет ли реформа дальше?

«Да, без всяких сомнений,— сказал партийный генсек Нгуен Ван Линь.— Мы были слишком большими романтиками. Мы хотели построить государство для народа, а вместо него возвели государство для государства».

У этой страны действительно есть все, чтобы стать страной для людей.

Перевели С. КОЗИЦКИЙ и Г. КУДИНОВ

Итак, события вокруг создания «Германии — единого Отечества» развиваются невероятно быстро. Но я хотела бы остаться в стороне от них. После того, что я пережила у себя дома, пребывание здесь, в Америке, кажется мне просто отдыхом. И это при большой нагрузке: каждый день представление, бесконечные интервью, постоянные переезды. Но в Америке по крайней мере меня никто не достает тем, что я имела несчастье родиться в государстве, которое рухнуло. Здесь людей интересует только мой успех, мое мастерство: была ли действительно хороша на льду Витт — Кармен? Были ли безупречны ее знаменитые тройные прыжки? За это я получаю аплодисменты.

О том, что было со мной в Германии, не хочется вспоминать. Пока существовала стена, для репортеров из «Бильд» (*ежедневная буржуазная газета, издающаяся в Гамбурге.— Ред.*) я была «самым красивым лицом социализма», «красной» принцессой на льду, вокруг которой они увивались в надежде получить интервью. А теперь вдруг я стала для них «партийной лошадкой».

Я выросла в спортивном мире, и этот мир казался мне чистым и правильным. В то время я совершенно не интересовалась политикой. Фигурное катание заполняло всю мою жизнь, и я испытывала чувство гордости, когда удавалось взойти на верхнюю ступеньку пьедестала, когда играли гимн моей страны и поднимался наш флаг.

Теперь первый раз в жизни совершенно добровольно я включилась в политику. А раньше такие вопросы, как вступление в партию или избрание в какие-то высокие органы власти, за меня решали другие. Меня использовали как вывеску. И вот я словно проснулась. Правда, наученная горьким опытом, я иногда говорю себе: молчи, глупая! Для тебя это роскошь — иметь собственное мнение. Но в то же время я не хочу терять уважения к себе.

Единственное, что я не позволю себе, так это проклинать страну, в которой я выросла, в которой состоялась моя карьера. Даже если это и было бы выгодно для меня сейчас. Я не встану в ряды людей-флюгеров. Этот пируэт я исполнять не собиралась и не собираюсь. Расплата за это пришла незамедлительно. Заработала перемалывающая машина прессы, социальная зависть начала показывать клыки. Роются в моей личной жизни, выискивают пикантные детали интимного характера, подсчитывают доходы...

В 1981 году я первый раз летела в Америку. Мне было 15 лет. Не помню уж, в каком аэропорту я увидела огромную карту Германии. ГДР на этой карте не была обозначена. Я возмутилась. «Но ведь здесь должна проходить граница!» — приставала я к своему тренеру Ютте Мюллер.

Бывали у меня и случаи, когда я испытывала неловкость. Я занималась фигурным катанием и одновременно училась в театральном училище. Однажды преподавательница спросила, что нам приходит в голову, когда мы говорим о ярко-синем цвете. «Небо над Лазурным берегом», — ответила я. Лучше бы я этого не говорила, потому что никто, кроме меня, на Лазурном берегу не был. Ощущение было не из приятных.

Прошлым летом все стало совсем плохо. Мы были как раз в турне по Японии, когда вдруг на первых страницах газет появились фотографии: мои соотечественники, бежавшие из страны и укрывающиеся в посольстве ФРГ в Праге. Как стыдно мне было тогда за правительство ГДР!

То же чувство стыда я испытала и на праздновании 40-летия ГДР, где мы были вместе с моим тренером Юттой Мюллер. Когда Эрих Хонеккер сказал, что стена будет стоять и в следующем столетии, я шепнула тренеру: «Не хватает только построить стены вокруг всех 15 округов и выдать там всем свои паспорта».

Но я именно «шепнула», потому что, видит Бог, не чувствовала я себя тогда сильной, мужественной и независимой. Мне следовало бы встать и выйти. Но если бы я сделала это — конец всем моим планам и замыслам. А мне так много еще хотелось сделать.

Катарина ВИТТ, неоднократная чемпионка Олимпийских игр, мира и Европы

«Я не могу проклинать свою страну»

Я — человек эмоциональный и всегда прислушиваюсь к своим чувствам. Мне не дают покоя мысли о том, что будет с ГДР, где люди сейчас так беззащитны. Ну почему им не дадут возможность оглядеться, разобраться во всем! Мы росли и воспитывались в особых условиях, и теперь нам трудно справиться с ситуацией, в которой оказались. У меня лично это может быть несколько иначе. С детства я была нацелена на победу. Мне всегда хотелось показать, на что я способна, всегда хотелось быть первой. Если можно так сказать, я выросла с крепкими локтями. Все это и делало меня не похожей на других.

Когда я в последний раз была в Берлине, я увидела, что весь «Грандотель» заполонили деловые люди с Запада. Подтянутые и загорелые, вооруженные карманными калькуляторами и радиотелефонами, они занимались тем, что делили между собой нашу страну. Их интересовала только прибыль и выгода, а не люди и их судьбы.

Недавно у дома моих родственников остановилась машина из ФРГ, из которой вышла супружеская пара и принялась сажать цветы в палисаднике. На вопрос родственников, что они делают, нежданные визитеры ответили, что решили заняться благоустройством, так как этот дом принадлежал им раньше и будет принадлежать впредь. Можно ли смотреть на это без возмущения?

Я понимаю, что ничего остановить нельзя, да я бы и не хотела. Надеюсь, что история нас чему-то научила, и мы больше не внушаем страх и ужас другим народам. Какой бы счастливой могла быть наша страна, если бы мы учились у наших поэтов и мыслителей! Здесь, на другом континенте, далеко не все в восторге от того, что происходит у нас.

В нашем спорте началось настоящее безумие от грядущего германского величия. Уже делаются подсчеты, сколько медалей принесут стране обе германские команды, и слышатся голоса: мы снова станем самыми сильными в мире! Не надоело? Не лучше ли просто восхищаться спортивными достижениями и мастерством, независимо от того, кто будет блистать ими: китаец, финн или кто-то из наших?

Я много поездила и видела мир не только с солнечной стороны. Например, в 1985 году во время турне по Азии я видела в Гонконге на сверкающей огнями улице за углом роскошных ювелирных магазинов лежащих на земле худых, голодных, одетых в лохмотья людей, и никому до них не было дела. Или уже здесь, в США моя коллега получила тяжелую травму на льду. «Скорая помощь» прибыла сразу же, но прежде, чем помочь, медики осведомились, может ли она заплатить. Это что, нормально?

Наверное, я выгляжу как опасная, неисправимая коммунистка. Но мне все равно. Мне так же все равно, что журналисты сделали из меня «роковую женщину», приписав мне за неделю три любовных истории только потому, что в одном из интервью я сказала: «Лучше самой соблазнять мужчин, чем быть соблазненной».

Мне никогда не нравилась пассивность. Даже раньше на дискотеках я никогда не ждала, когда парень смилостивится и пригласит на танец. Мне кажется, это типичная черта всех женщин ГДР, и что детские сады и школы с продленным днем были нужны им вовсе не потому, что они хотели избавиться от воспитания детей, просто им была нужна большая свобода для определения своей судьбы. Многим из них совершенно чуждо понятие так называемого вечного женского счастья, которое заключается в том, чтобы нравиться мужчине и служить ему. На нашем чувстве самосознания и самоуважения еще долго будут спотыкаться и наши, и западные журналисты.

Все это я говорю только потому, что мне не безразлична судьба моей страны. В моем городе все средства массовой информации много шумят по поводу переименования Карл-Маркс-Штадта в Хемниц. Разве это так важно? Лучше бы подумали о том, как закрыть фабрики, которые отравляют жителей.

Да и здесь, в Америке, еще не забыли историю с «Эксон Вальдес». Загрязнены сотни километров побережья Аляски, море превратилось в ядовитый бульон. Может быть, после этого танкеры стали меньше, стены их толще, а техническое оснащение более совершенным? Да нет же! «Эксон» думает только об «Эксоне». Штрафы уплачены, журналисты успокоились. Давай и дальше так же, «Эксон»!

И снова о ГДР. Может быть, я слишком чувствительная натура, но для меня это душевная боль. Моя родина была для меня не просто не очень богатой страной с жестким, всеохватывающим контролем. Родина — это и моя семья, которой из-за меня были запрещены всякие контакты с Западом, и мой тренер Ютта Мюллер, самая разумная женщина в мире.

Я очень хорошо помню неподвижное, болезненное лицо бывшего узника концентрационного лагеря, который и после третьего инсульта не отказывался от встреч с ребятами из нашего класса и разговаривал с нами обо всем на свете: и о нашем страшном прошлом, и о том, что войны не должно быть никогда. А теперь мы узнали о торговле оружием, в которой была замешана и наша страна. Тяжелое и горькое открытие. Мне придется еще долго ломать голову над всем этим, и не помогут мне ни успех, ни деньги.

Поговаривают о том, что я была звездой, любимицей Хонеккера и Кренца, которая могла себе позволять все, что угодно. Все это болтовня. И со мной приключались самые идиотские истории. Так, например, получая

корреспонденцию из-за рубежа, я должна была всякий раз информировать об этом кого следует. После победы на Олимпиаде я получила тысячи писем со всего света. Я проигнорировала дурацкий приказ. Тогда мою почту стали вскрывать. Пришлось пожаловаться, и безобразие прекратилось.

С 1984 по 1988 год мне было предложено несколько контрактов на общую сумму в 5,3 миллиона марок. У кого не закружится голова от такой суммы, пусть первый бросит в меня камень. Предложения поступали в Союз физкультуры и спорта. На мой вопрос: «Можно?», я получила решительный отказ: «В соответствии с законами ГДР — нельзя!» Это был первый этап. Второй начался с того, что ко мне домой пришли два милых господина с предложением кое-что сделать для меня. Соблазн был велик, но я была в нерешительности: а улажено ли все с органами безопасности? Господа обещали зайти еще раз. В свой второй визит они принесли документ, под которым я должна была поставить свою подпись. После этого я могла получить контракт, они якобы нашли какой-то совершенно законный выход. К счастью, у меня были друзья, с которыми я могла посоветоваться. В ночь перед их третьим визитом я не могла уснуть. Господа пришли и спустя три часа удалились. Без моей подписи. Прощайте, пять миллионов!

Ну и, наконец, третья часть дьявольской игры. На этот раз в апреле 1988 года в баре отеля «Мэрриот» в Нью-Йорке. Сидел там некий джентльмен, но уже не угрюмый и незаметный, и совсем не саксонского образца, а, напротив, весьма элегантный и светский. Он быстро перешел к делу: зачем, собственно, соблюдать законы ГДР? Просто я должна дать свои рекламные фотографии: официально, но бесплатно, неофициально, но за деньги. Он сказал: «Когда порвутся все связи, вы просто останетесь у нас на Западе, Катарина. Наше агентство предлагает вам 1,5 миллиона долларов».

Ничего я тогда в «Мэрриоте» не подписала и осталась в ГДР. Недавно один неглупый американский бизнесмен сказал мне: «Вы выбрали себе не ту родину и расплатились за это». Может быть, и так, но другой родины у меня не было.

Перевела с немецкого
С. КАВТАРАДЗЕ

Предлагаемая вниманию читателей «Ровесника» статья Катарины Витт была опубликована в западногерманском журнале «Штерн» и вызвала самые разноречивые отклики, свидетельствующие о неоднозначном отношении немцев к процессам, происходящим в Германии.

«Спортивные достижения и твердый характер Катарины Витт заслуживают всяческого уважения. Она спортсменка, а не политик, и потому не может повлиять на события в своей стране, точно так же, как какой-нибудь теннисист не может отвечать за то, что происходит в его стране.

Марго Кэбер, Берлин».

«Если говорить честно, она не так уж неправа: людей-паразитов, людей-флюгеров оказалось предостаточно. В ее высказываниях я не обнаружил никакой «подлости по отношению к Германии», о которой кое-кто говорит. Эти злопыхатели с их манией германского величия, видно, не могут выносить, когда кто-нибудь имеет собственное мнение.

Херберт В. Бомлунд, Зальцгиттер».

«Такие, как Катарина Витт, наслаждавшиеся бананами и другими экзотическими фруктами, давно потеряли всякую связь с народом. Ее спортивные достижения неоспоримы, но она продалась Хонеккеру и до сих пор никак не может понять этого. Ее рассуждения основаны не на самокритике, а на сочувствии к самой себе. Ни одного критического замечания в адрес системы, которая позволяла ей «кататься как сыр в масле» и пользоваться всеми благами жизни, присущими «классовому врагу».

Гюнтер Драйманн, Мюнхен».

«Катарина Витт ставит в вину капиталистическому миру катастрофу, связанную с компанией «Эксон», а кошмар Чернобыля, в котором повинен ее восточно-социалистический мир, она что-то подзабыла.

Ирма Шторх, Вайден».

«Вывод, к которому я пришел, прочитав статью в «Штерн»: фигуристка заслуживает самого высокого уважения за смелость сказать то, что думает. Даже сам папа римский недавно сказал, что наши богатые и благополучные не должны злорадствовать по поводу неудач коммунизма, потому что и капитализм пока не в силах справиться с нуждой и нищетой в мире.

Фридрих В. Оденберг, Бонн — Бад Годесберг».

«Я, бывший гражданин ГДР, до сих пор хорошо помню высказывания Катарины Витт времен правления СЕПГ, такие, как: она, видите ли, не понимает, как это тысячи людей готовы покинуть свою страну (и это в то время, когда многие втайне вынашивали мысль о выезде из ГДР и полмира следило за событиями в этой стране). Я также прекрасно помню, как фрейлейн Витт в синей блузе ССНМ произносила напыщенные речи перед престарелым руководством СЕПГ, выступая в роли восточногерманской любимицы. И если теперь она пишет, что раньше никогда не занималась политикой сознательно и только сейчас проснулась, то в таком случае для меня эта партийная красавица тоже человек-флюгер.

Свен Тиллер, Дюссельдорф».

«Восхищаюсь мастерством и характером Катарины Витт. И никакая она не упрямая «партийная лошадка», а женщина, которую мучают размышления о серьезных вещах. У нее хватило мужества высказать свои мысли. Жаль, что некоторые газеты полностью извратили ее высказывания.

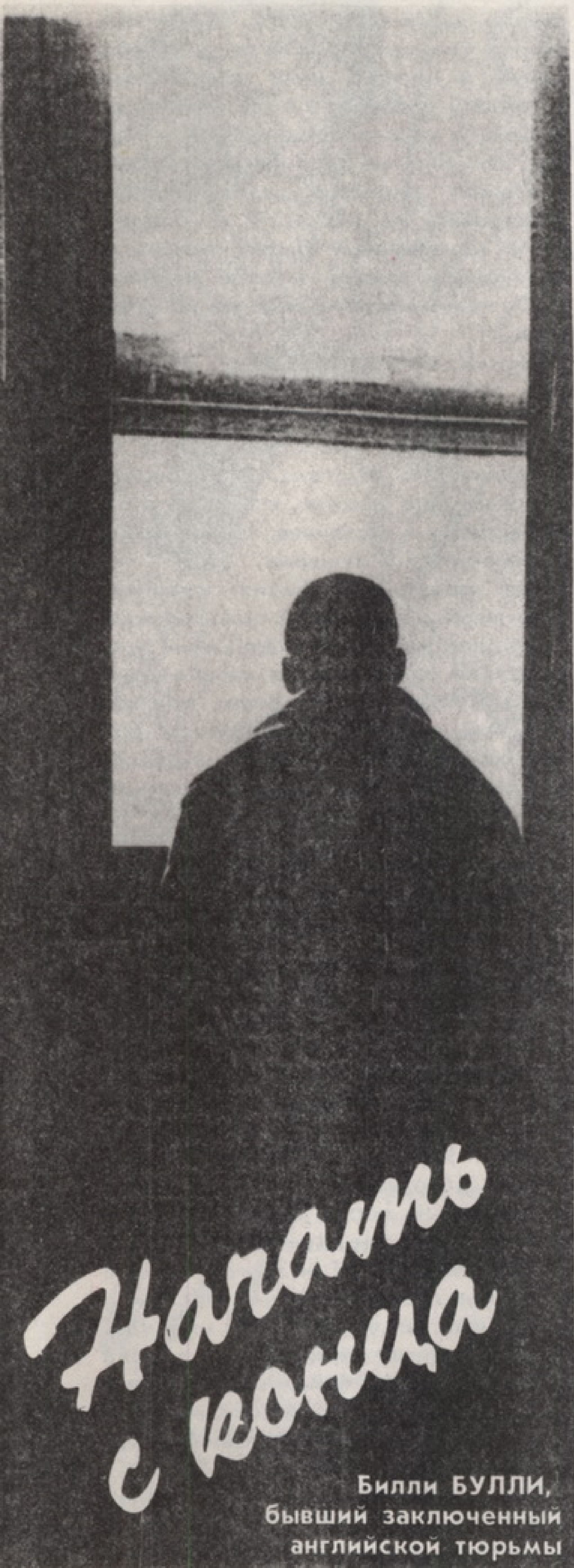
Мартин Кюглер, Ганновер».

В 12 лет я считался самым здоровым парнем не только в нашем классе, но и во всей школе. Я вел себя как король. Мне было наплевать на учебу, главное, что я никого не боялся и мог кого угодно сбить с ног одним ударом. Вся школа знала это, а я при случае старался поддерживать свою репутацию кулаком, который пускал в ход по два или три раза за неделю. Я мог подойти к любому, пусть он даже старше меня, затеять ссору и довести ее до драки.

Меня не волновало, что меня все ненавидят. Главное, считал я,— тем или иным способом выделиться из толпы. Умники выигрывали школьные олимпиады, надеясь после школы поступить в университет. Другие бегали, прыгали или становились лучшими футболистами, завоевывая медали на школьных соревнованиях. Но даже это было не для меня: я ощущал себя просто неуклюжей грудой мяса, и когда случалось бегать или прыгать, тело отказывалось мне подчиняться. Я решил, что мне ничего другого не остается, как надеяться только на кулаки. Но постепенно все прояснилось, и я перестал испытывать комплекс неполноценности, увидев, что можно обойтись и без образования и прилично зарабатывать на жизнь.

Я всегда любил гулять по рынку, толкаясь у лавок, особенно мелких, со старыми часами, лампами и фарфоровыми чайниками. После уроков и в выходные дни я пропадал там, изучая цены на вещи. Например, за сколько можно купить расчески из черепахового панциря в Олдхаме и за сколько продать их в Бери. К тому времени, когда я бросил школу, я прекрасно знал конъюнктуру и даже преуспевал в своем крошечном чудесном бизнесе. Я старался не привязываться к какому-то одному месту, напротив, все время кочевал по разным рынкам, заключая удачные сделки и пополняя свои знания о ценах. Я не покупал ворованных вещей, хотя они и продавались по низким ценам, вообще старался не делать ничего противозаконного.

Наслаждаясь свободой, я работал самостоятельно, вольный решать, в какие дни и часы мне торговать. Я был счастлив, что могу принести родителям больше денег, чем требовалось на мое содержание. Каждый день я просыпался с улыбкой в предвкушении новых удачных сделок. Я был обычным парнем, не слишком сообразительным в науках, но вполне — в коммерции. Я почувствовал себя взрослым, даже стал более сдержанным, уже не затевал ссоры, считая себя приличным человеком. Мне хотелось, чтобы меня считали надежным, доброжелательным и абсолютно честным партнером все те, с кем мне приходилось торговать. К 18 я, наверное, был самым молодым рыноч-

Начать с конца

Билли БУЛЛИ,
бывший заключенный
английской тюрьмы

ным дельцом, и мне очень льстило, что взрослые торговцы принимали меня как равного.

Я часто думаю, как странно, что простая случайность может навсегда испортить жизнь, как это случилось со мной.

Из книги Тони Паркера «Жизнь после жизни. Интервью с двенадцатью убийцами». Лондон, 1990.

[1] *Кличка, в переводе «Билли Бычок».— Прим. ред.*

На севере Англии почти каждый парень мечтает побывать в Лондоне. Я сам никогда раньше там не был. К тому времени я приобрел много друзей, с которыми познакомился на рынке. Я говорю «друзья», но правильнее сказать — знакомые. И вот однажды утром, кажется, это был вторник, на стоянке автомобилей в Болтоне я встретил Кейта, моего ровесника, занимающегося тем же бизнесом, что и я. Мы стояли и болтали, как вдруг я увидел, что в замке зажигания старого большого «морриса» кто-то оставил ключи. Я пошутил по поводу такой халатности, а Кейт тоже ответил шуткой: «Интересно, хватит ли бензина до Лондона?» И я парировал шуткой: «Почему бы нам не проверить?» Мы зачем-то залезли в машину, Кейт завел двигатель, и мы выехали со стоянки. Не знаю, как это вышло. Мы миновали Болтон и направились к Манчестеру, затем последовали Стокпорт, Хейзл-Гроув, Бакстон. Так, все шутя, мы проскочили Дерби, Стаффорд, Рагби, и только тогда нам стало ясно, что наша шутка зашла слишком далеко.

Когда бензин был на исходе, мы остановили машину рядом с придорожным кафе и зашли выпить по чашке чая. За столиком наш сосед, водитель грузовика, спросил, куда мы едем, и мы ответили, что в Лондон. Он предложил подбросить нас, и мы согласились.

Насколько помню, мы вылезли из грузовика где-то в северной части Лондона: в районе Барнет или Энфилд, около современного огромного отеля, возвышающегося над облепившими его автомобилями. Наступила ночь, мы проголодались, но у нас не было денег. Пришлось переночевать в одном из автомобилей.

На следующее утро было еще голоднее, чем прежде, и тут подошел рефрижератор, доставивший продукты для кухни ресторана. Покрутившись у фургона, мы улучили момент и стянули упаковку кулебяк с мясом и немного молока. Все произошло как бы само собой, у нас даже не было времени задуматься о последствиях.

Теперь оставалось попасть в центр Лондона, осмотреть достопримечательности и вернуться домой, на родной «север». Нам и в голову не могло прийти, какие в Лондоне расстояния. Все еще находясь на окраине города, мы надеялись, что осмотрим Пикадилли, Букингемский дворец и все прочее минут за десять. Кое-что нам действительно удалось увидеть, но единственное, что я помню,— это чувство зверского голода и смертельной усталости. Мы пытались поймать попутный грузовик и уехать домой, но все они направлялись в ту или иную часть Лондона.

Так к вечеру мы оказались в довольно убогой ночлежке, заставленной койками с ужасно грязным бельем. Управляющим там работал гнусный тип по кличке Кокни. Но нас устраивал любой ночлег, тем более что тип объявил, будто нам полагается скидка и что часть суммы он компенсирует за счет социального обеспечения.

Мы пробыли там три-четыре дня, слоняясь по улицам в ожидании денежного перевода из дома. Кокни дал нам несколько фунтов на карманные расходы, и вот однажды он попросил о маленьком одолжении. «Конечно»,— ответил я, даже не спросив, что ему нужно, желая отплатить за услугу.

На следующий день Кокни попросил меня и еще какого-то парня подойти к водителю автофургона, стоявшего у общежития, и привести его к нему для делового разговора. Ни о чем не подозревая, я пошел, куда сказали, подошел к тому человеку и заявил, что мы должны доставить его в наше общежитие. Я не продумал, что меня использовали для устрашения. Тот человек кивнул, сказав, что идет и что у нас не будет с ним лишних хлопот. Тогда я не придал значения его словам, впрочем, я вообще ничему не придавал значения. Мы вошли в общежитие и проводили гостя в комнату управляющего.

На следующий вечер меня попросили о новом одолжении: съездить с двумя парнями куда-то на машине и кого-то с собой привезти. Требовалось просто сидеть в машине и не спускать с него глаз. Кокни намекнул, что могут возникнуть некоторые проблемы, но во мне уже заговорил тот прежний король школы, и я ответил, что все в порядке. До меня по-прежнему не доходило, во что я ввязался с такой беззаботностью.

Уже светало, когда мы наконец отыскали нужного нам человека, усадили его в машину, на заднее сиденье. Я сел рядом. Это был средних лет маленький ирландец; нервничая, он спросил меня, что хочет от него Бенни Кокни. Через полчаса, на полпути до Лондона, мой подопечный стал слезно просить остановиться: он не мог больше терпеть. Мы съехали на обочину к кустам, ирландец вышел и встал к нам спиной. Вдруг один из парней крикнул мне: «Лови его, Билли!» Я бросился вслед за убегавшим, как всегда неуклюже, поскользнулся и свалился в канаву, прямо на голову ирландца. Тут же подбежали те два парня...

Я не оправдываюсь, конечно, любой может спросить: ты что, не знал, что

делал? А я действительно не знал. Для меня все казалось чуть ли не школьной потасовкой, этакая куча мала. Неожиданно появился нож. Кто его достал, я затрудняюсь сказать. Во всяком случае, не я. Нож падал, переходил из рук в руки, но пострадал только ирландец. Как потом я слышал на суде, на его теле было более 30 ранений. Он был не просто убит, а исполосован ножом.

Мы вернулись в общежитие. Мне ничего другого не оставалось, как ждать. На следующее утро, на рассвете, я услышал чей-то крик: «Полиция!» Бросился по коридору в подвал, открыл окно и выбрался наружу. Надо мной прозвучали слова: «Вставай, сынок, ты как раз вовремя!» Полицейский был мне по пояс, я мог бы придавить его одним пальцем, но стоял как парализованный с поднятыми руками.

Тюрьма. Что о ней сказать? Она ни на что не похожа. Меня осудили в 19 лет. После того, как я провел год под арестом. Моя образцовая семья, пока я находился в Брикстоне, регулярно меня навещала. Мы уже знали, что мне сохранят жизнь, но было неясно, какой я получу срок. Трудно объяснить, что я чувствовал, когда услышал приговор. Думаю, облегчение после пытки ожиданием. Мои родители были убиты горем, я же успокоился. На мне была смерть человека, к которому я не испытывал неприязни, которого вообще не знал. Считаю ли наказание справедливым? Наверное. Получил то, что заслуживал.

Главное, что я решил для себя с самого начала — стараться изо всех сил, чтобы грязь тюремной жизни не пристала ко мне. В начале моего заключения один человек сказал: «Держись, сынок, с достоинством, на какое только способен. Никогда не знаешь, чем это может помочь». Я хорошо запомнил его слова и противостоял подлецам и негодяям, не давая втянуть себя в рутину тюремной жизни, с ее драками, наркотиками, гомосексуализмом и прочей дрянью. Я вел себя, можно сказать, непорочно, изыскивая возможности для самовоспитания. Мне удалось сделать то, что я задумал: переродившись в ребенка, я снова стал мужчиной.

Вы слыхали о людях, получающих образование и даже ученые степени в тюрьме? Я знал, что мои мозги не годятся для такого, но по крайней мере, казалось мне, можно хотя бы выбраться из полного невежества. Я решил заниматься по полной программе. Для начала попросил маму прислать толковый словарь, стал читать и тренировать память.

Мне повезло, я попал в тюрьму в Личестере, потом в Ноттингеме. Там практиковалась заочная система обучения: тебе выдают учебники и пособия для самостоятельной работы, так что можно заниматься, не боясь выглядеть полным идиотом перед всем классом.

Я написал родителям, что каждый, кто будет мной интересоваться, лучшее, чем может помочь,— это прислать книги. Все равно какие. Я думал, чем больше их будет, тем лучше. Результат вышел потрясающий: мою камеру завалили книгами, порой их было даже больше, чем в тюремной библиотеке!

Если говорить о книге, наиболее повлиявшей на меня, то я назову одну, которую наверняка никогда бы не открыл, не попади в тюрьму. Ее прислала монахиня, сестра подруги моей мамы, на пятом году моего заключения. Она прислала ее без сопроводительного письма, лишь с открыткой со словами: «С наилучшими пожеланиями!» Это был сборник стихов Томаса Элиота «Четыре четверти», куда входили четыре поэмы, названные по имени местечек, как я полагаю, где они писались: «Бернт-Нортон», «Ист-Кокер», «Драй-Сэлвейдж», где какие-то скалы на северо-восточном побережье Америки, и последняя, «Литтл-Гиддинг», это не то в Линкольншире, не то в Личестершире.

Когда я начал их читать, то ничего не понял. Но однажды, словно какое-то вдохновение нашло на меня — завеса упала и все приобрело смысл и значение. Я не читал ничего подобного за всю жизнь: словно мои собственные мысли лежали передо мной на бумаге. Я читал и перечитывал снова, пока эти стихи не стали частью меня самого. Я до сих пор помню, как начинается «Бернт-Нортон»:

Настоящее время и время прошедшее,
Оба, возможно,— во времени
будущем,
И в будущем, значит, есть время
прошедшее.

Другой кусок, который мне очень нравится, из «Литтл-Гиддинг»:

Что зовем мы началом,
Часто — это конец.
Мы приходим к концу
Начинать все сначала.
Где конец — там начало.

Ко мне были очень снисходительны: я отсидел девять лет, то есть почти половину положенного срока. Я хотел начать новую жизнь. Я вышел из тюрьмы другим человеком, лучше чем прежде.

У меня был прекрасный инспектор по воспитанию, я до сих пор с ней связан и она очень мне помогала и помогает; еще в тюрьме готовила меня к освобождению, сказала, что будет трудно найти работу. Так оно и оказалось. Она предложила часть заработанных в тюрьме денег использовать на оплату учебы для получения водительского удостоверения. Я так и сделал. Но многие рабочие места были для меня закрыты, и это начинало действовать на нервы. Я освободился с намерением быть честным и не скрывал правду о себе на беседах с нанимателями, мне же не доверяли.

Шейла, мой инспектор по воспитанию, выхлопотала для меня разрешение заняться самостоятельной деятельностью. Я стал перевозить грузы на арендованном фургоне. Это здорово помогло. Мне сказали, что, если я буду терпелив и настойчив, то все может перемениться к лучшему.

Два приятных события изменили мою жизнь: в церкви я познакомился с молодой девушкой, Марианной, впоследствии она вышла за меня замуж. Ее не пугало мое прошлое, она обходилась со мной, как с вполне нормальным человеком, теперь живущим обычной жизнью. Подобно Шейле, она удерживала меня от нового падения.

Вторую удачу принесла моя идея. Однажды я заметил, что существует огромное число мелких фирм, нуждающихся в перевозках посылок и бандеролей. Я подумал, а почему бы им не помочь? Пошел в банк, рассказал о своих планах и попросил кредит для покупки фургона. К моему удивлению, мне выдали чек на 2 тысячи фунтов. Я приобрел подержанный, но в очень хорошем состоянии фургон и начал работать.

На первых порах пришлось очень трудно, но я не сдавался. Работал в поте лица по 11 и более часов в сутки, часто без выходных. Постепенно я обрастал клиентурой, мне удалось наладить перевозки в районе в 300 квадратных километров и, наконец, получить несколько солидных контрактов, давших мне ощущение твердой почвы под ногами.

Два года назад мы с Марианной поженились, и в прошлом году, когда она забеременела, подыскали это место по соседству с ее и моими родителями. Самое дешевое жилье, какое могли найти. Мы купили этот домик за семь месяцев до рождения Антонио.

Наша жизнь удивительно проста: для меня это большей частью работа с несколькими часами отдыха, которые я полностью посвящаю семье. Кому-нибудь все это покажется не очень интересным, но никогда в тюрьме я не был уверен, что смогу начать все сначала.

Перевел с английского
Э. КОЛОБАЕВ

КАК ИЗБАВИТЬСЯ ОТ ДУРНЫХ ПРИВЫЧЕК

Мэри КОНРОЙ,
американский психолог

Ты говоришь «ну» так часто, что вот-вот сам сойдешь от этого с ума!

Ты грызешь ногти, и скоро твои руки можно будет снимать для фильма ужасов.

Жуешь без перерыва — и не можешь остановиться.

С устрашающей скоростью тратишь деньги на пустяки.

Хорошие новости и плохие новости

Вполне возможно, ты страдаешь от одной из описанных выше привычек. Может быть, их у тебя так много, что списком можно оклеить все стены.

Хорошие новости? Ты отнюдь не обязан быть прикованным к этим привычкам всю жизнь. Еще одна хорошая новость — поскольку этим глупостям ты когда-нибудь да выучился, значит, ты можешь от них отучиться.

Плохие новости? В один миг избавиться от них нельзя. Потребуется время. Сколько? Примерно 90 дней, считает Алан Марлатт, профессор психологии Вашингтонского университета.

Борьба с дурными привычками

Большинство подростков так стремятся переменить привычки, что забывают, что сначала надо основательно изучить себя. Вот почему специалисты рекомендуют для начала завести дневник и проанализировать свое поведение на протяжении двух-трех недель. Конечно, ты можешь подумать: «Зачем это? Я и так знаю, что грызу ногти. Что же тут еще мудрить?» Но исследования показали, что те, кто пытается изменить поведение, не проанализировав его причины, отказываются от своих попыток через несколько дней.

При каких обстоятельствах осаждают тебя твои привычки? Когда ты один или в компании? Читаешь или смотришь телевизор? В каком ты настроении? Сравнивай эти ситуации.

Неделя-другая наблюдений поможет выяснить, что лежит в основе привычки — ситуация или настроение? К примеру, ты заметил, что тебе постоянно хочется что-нибудь жевать, когда ты в одиночестве смотришь телевизор или когда нервничаешь. А ногти грызешь, когда усаживаешься за уроки.

Откуда берутся привычки

«Постарайтесь увидеть в вашей привычке две стороны — позитивную и негативную», — говорит профессор Марлатт.

К примеру, ты накручиваешь волосы на палец. С одной стороны, это, конечно, вредно — вот-вот останешься совсем без волос. С другой стороны, это помогает, когда ты нервничаешь.

«Из-за этого, кстати, и возникают многие дурные привычки,— объясняет Марлатт.— На некоторое время они могут успокаивать. Поэтому прежде, чем избавиться от привычки, вам надо решить, что делать с руками, если их некуда девать».

Итак, если ты, нервничая, без конца теребишь волосы — найди другой способ успокоиться.

Если ты обкусываешь ногти, постарайся занять руки чем-нибудь другим, например, игрой на пианино, рисованием или шитьем.

«Все дело в том,— советует профессор Марлатт,— чтобы найти не просто какую-нибудь замену, а такую замену, которая вам бы нравилась. Это принесет двойную пользу — вы будете заняты интересным делом и будете гордиться тем, что избавились от дурной привычки».

Если же ты не найдешь такой замены, ты обречен на провал. Отказавшись от привычки, ты будешь чувствовать какую-то пустоту — и, если не сможешь ее ничем заполнить, в конце концов вернешься к этой привычке.

Также постарайся избавиться от ситуаций, которые порождают дурные привычки. Если ты тратишь деньги на пустяки, не бери с собой много денег или постарайся в первую очередь покупать необходимые вещи.

Но главное — бороться с привычками даже в тех ситуациях, которые их порождают. Однако поначалу следует все же избегать таких ситуаций и лишь потом, когда ты почувствуешь себя достаточно сильным, встретить их лицом к лицу.

Наверняка ты уже не раз пытался бороться со своими привычками. И если не преуспевал, то, возможно, совершал самую серьезную ошибку, а именно — наказывал себя.

НЕОБХОДИМО НАГРАЖДАТЬ СЕБЯ — ЭТО СДЕЛАЕТ ДОСТИЖЕНИЕ ЦЕЛИ КУДА БОЛЕЕ ПРИЯТНЫМ!

«Наказание только раздражает,— объясняет Марлатт.— В конце концов ты скажешь себе «Кому это надо?», и откажешься от дальнейших попыток».

Подступай к цели постепенно. Так, если ты за 15 минут умудряешься 10 раз произнести «ну», постарайся для начала говорить это хотя бы семь раз.

Затем обещай себе что-нибудь приятное — купить новую книгу, покататься на велосипеде, поболтать по телефону или пойти в кино с друзьями. Лучше, чтобы награда следовала сразу за достигнутой целью. Скоро эти цели начнут привлекать тебя сами по себе, тогда желательно постепенно уменьшать награды, чтобы не слишком от них зависеть.

Не настраивайся на неудачу

Одна из распространенных ошибок — ожидать слишком многого с самого начала. Вспомни: ты же не сразу научился ездить на велосипеде!

Многие отступают потому, что заранее предвидят неудачу. Другие — потому, что хотят выполнить несколько задач сразу: и волосы не трогать, и жевать прекратить, и вставать вовремя, и комнату держать в порядке.

Тебе, наверно, знакомы люди, которые каждый Новый год дают себе зарок измениться. И часто это приводит к обратным результатам. Поэтому не забирайся слишком высоко. Не пытайся отделаться более чем от одной привычки сразу. И прежде чем расправиться со следующей привычкой, подожди несколько месяцев.

Если ты избавился от одной привычки, порожденной нервозностью, тебе будет куда легче избавиться от другой, вызванной той же причиной.

А через три месяца будет виднее, в чем дело. Ты также узнаешь, какие награды тебе приятнее. А самое главное — ты поймешь, что вообще способен преодолеть себя. Преврати это в увлекательный научный эксперимент!

Перевел с английского
А. АНТИПЕНКО

Эти слова послужили названием норвежскому фильму, авторы которого ставили себе задачей показать взаимоотношения людей современной Норвегии — страны всеобщего благоденствия. Фильм получился очень грустным. На протяжении двух с половиной часов зрители видят картины нашей повседневной действительности, людей, гибнущих из-за отсутствия каких-либо человеческих связей между собой. В материальном отношении у них есть все, даже в чем нет насущной необходимости. Однако то, что в конечном счете является главным условием жизни любого человека — людская общность, стремление к единению, способность ощутить себя и окружающих «братьями и сестрами во Христе»— это в них полностью, безнадежно отсутствует. А коль скоро нет этой главной взаимосвязи, то и все остальное утрачивает свое значение. Материальное благополучие — слишком малый пластырь для такой огромной раны. Но если жизнь человека лишена своего лейтмотива, каковым является сознание людской общности, то она весьма скоро приходит в полный беспорядок.

Норвежцы охотно рассуждают о людской солидарности, даже о всемирной солидарности — лишь бы им это ничего не стоило. Довольные и сытые, сидя в своих теплых домах, мы позволяем себе требовать еще больших благ, рассуждая в то же время о людской солидарности.

Ежедневная телевизионная программа новостей взяла себе за правило показывать подробные репортажи о том, в каких материальных благах нуждаются несчастные норвежцы. Все эти репортажи заканчиваются одинаково: в кадре появляется удрученный диктор и предрекает всем нам неминуемую гибель в том случае, если соответствующие власти немедленно не выделят денег — или «средств», как они обычно, с известной долей стыдливости, выражаются. Вот, например, передают репортаж из дома для престарелых или из детского садика, обитателям которого живется несладко. Норвежец автоматически думает: «Надо, чтобы туда вложили побольше денег». В какой-то мере это может быть и так, однако не надо обманывать себя, считая, что дети и старики больше всего нуждаются в деньгах. То, в чем они нуждаются прежде всего и больше, чем кто бы то ни было,— это нормальное человеческое общение. Не дополнительных вкладов не хватает им, а близких людей. Немалая часть так называемого трудоспособного населения страны тратит гораздо больше времени, гуляя со своими собаками, чем навещая больных и зачастую одиноких родителей и родственников. И вовсе не вещей не хватает нашим детям — ведь порою так заметно, как жаждет ребенок, чтобы его просто взяли на колени, взъерошили волосы.

Прощай, людская солидарность

Хьелль Арилд ПОЛЛЕСТАД,
норвежский католический священник

В молодости мне пришлось одно время работать в «школе для трудновоспитуемых подростков». На мой взгляд, само это название имеет гротескное звучание; было бы правильнее применять к ним несколько устаревшее уже выражение «испорченные дети»— оно, как мне кажется, подразумевает большее уважение к личности ребенка. Бывало, конечно, что мне с трудом удавалось удерживать их в узде. Но когда наступал вечер и я приходил к ним в комнату — разумеется, грубо нарушая этим все установленные правила,— садился на кровать к 12—15-летнему мальчугану и начинал читать, у меня было такое чувство, что будь это даже телефонным справочником, они бы слушали с таким же жадным интересом. Это общение с глазу на глаз со взрослым имело для них невероятно большое значение. Ведь им так не хватало того самого главного, что может дать один человек другому — искреннего человеческого внимания.

Как-то раз в газете «Афтенпостен» появилось небольшое приложение, подписанное «Тетушка Биргит». Тетушка Биргит рассказывала о своей двенадцатилетней племяннице, больной раком. На следующий день после сеанса облучения она отправилась со своей подругой на прогулку в лес. По дороге ей стало плохо — сказались результаты процедур. Она решила пройтись и вышла из автобуса на пару остановок раньше подруги. Несколько раз ее начинало тошнить, и было так плохо, что она падала и лежала на тротуаре, не в силах подняться. Тетушка пишет: «Она потеряла всякую надежду, провожая глазами проезжающие машины. Лишь кошка подошла, обнюхала ее и убежала». Такими словами заканчивается это письмо читательницы, которое лучше всякого исследования подтверждает отсутствие в нашем обществе людской солидарности. Этот случай напоминает о другом, происшедшем гораздо раньше и известном большинству из нас. Правда, случилось это не с маленькой девочкой, а с неким мужчиной неоп-

ределенного возраста. Он не подвергался лечению облучением — его до полусмерти избили разбойники. И шел он не из Эстмарки в Хаукето, а из Иерусалима в Иерихон. Однако все эти детали не так уж важны. В главном оба эти случая практически идентичны. И девочка и мужчина лежали на краю дороги и нуждались в помощи, а люди равнодушно проходили мимо. И не имеет значения, кто были эти люди — священник или левит[1], электрик, учитель, домохозяйка или врач; важно, что все они прошли мимо, даже не пытаясь сделать самого очевидного, самого элементарного человеческого движения: наклониться и протянуть руку помощи нуждающемуся в ней.

Однако на этом сходство случаев и кончается. На Иерихонской дороге появляется едущий на осле самаритянин[2]. Он останавливается, подходит к избитому, наклоняется к нему, поднимает и увозит с собой в безопасное место.

Маленькая девочка же напротив — осталась лежать одна. Вполне вероятно, что когда-то она слышала рассказ о добром самаритянине. Во всяком случае, похоже, она ждала, что кто-нибудь остановится и поможет ей; видимо она считала само собой разумеющимся, что если кто-то беспомощно лежит на тротуаре, то проходящие мимо обязательно должны помочь. И поэтому она все смотрела и смотрела на проезжающие машины.

В тот день на тротуаре эта маленькая девочка получила жестокий урок: глядя на нее, беспомощную, никто не пожалел ее, не ощутил чувства ответственности, не позаботился о ней. Вот к чему пришли мы при всем благосостоянии нашего общества всеобщего благоденствия. Общество ответственно за всех нас — мы же сами не отвечаем ни за кого. Да, общество смогло обеспечить маленькой девочке лучевую терапию и прекрасное медицинское обслуживание, но вот она оказалась вдали от общественных институтов здравоохранения и социального обеспечения и лежит н а н а ш е м с в а м и пути, и мы — проходим мимо. Только кошка обнюхала и убежала.

Нет, это не общество не оправдало надежд маленькой девочки. Не оправдали их люди, люди без чувства сострадания, люди без сердца. Неважно, сколько миллиардов вкладывается в наше здравоохранение, все равно этого всегда будет недостаточно до тех пор, пока во взаимоотношениях между нами отсутствует человечность, пока нет сердечности. Опасно, когда служба социального обеспечения становится настолько всеобъемлющей, что подменяет чувство личной ответственности отдельного человека. Ведь с ним умирает само человеколюбие.

У меня есть друг — бывший служащий банка, а теперь пенсионер, по фамилии Ставеланн. Он довольно интересно выделяется на фоне множества таких же старых и одиноких жителей Осло. Познакомились мы при необычных обстоятельствах. Где бы я ни выступал с каким-нибудь докладом или сообщением, под конец из зала неизменно выходил маленький человечек и подходил ко мне. «Огр-р-ромное спасибо вам, патер-р-р»,— рокотал он и крепко стискивал мне руку, оставляя в моей ладони банкноту. Он никогда не пытался завязать разговор и сейчас же исчезал в толпе старых дам.

После нескольких лет такого поверхностного знакомства, однажды мне позвонили. «Здр-р-равствуйте, патер-р-р. Говорит тот маленький человечек, который часто подходит к вам, чтобы пожать руку». Он звонил узнать, не смогу ли я присутствовать на обеде для престарелых, организованном Обществом одиноких. «С проповедью?»— переспросил я. «Нет, нет,— прокричал он,— об этом позаботится Армия спасения».

Рождественский обед для престарелых в Обществе одиноких был организован в кафе при миссии. Все помещение заполняли пожилые дамы; когда я вошел, за роялем сидела аристократического вида женщина, жена священника, и исполняла старинные застольные песни. Сияющий Ставеланн суетился вовсю: он должен был лично поприветствовать каждого из вновь прибывающих с особой сердечностью и проследить за тем, чтобы все хорошо устроились за столом. Одинокие старички нежились под потоком хлынувших на них комплиментов; тусклые взгляды загорались счастливым блеском, на увядших щеках расцветали розы. Меня усадили в центре; по соседству расположилась большая группа специально приглашенных к этому случаю монахинь во главе с сестрой Ингеборг и проповедником — офицером Армии спасения. Вступительное слово Ставеланна настолько изобиловало превосходными степенями в отношении всех и вся, что даже свиные уши на столе среди закусок должны были бы чувствовать себя польщенными. Пожалуй, больших почестей престарелые девицы не могли бы ожидать, будь они даже принцессами или герцогинями. Восторгам Ставеланна, казалось, не будет конца. Он возблагодарил Господа от имени всех нас, проживших еще год с момента предыдущего рождественского обеда, и только что не благодарил Его от имени тех, кого Он призвал справлять нынешнее рождество в ином, лучшем мире. О, как же прекрасно жить на свете, о-о-о, как прекрасно быть призванным Господом! Как ч у д е с н а наша земля, как б о ж е с т в е н н о в е л и к о л е п н ы небеса, как прекрасно, пр-р-рекр-р-расно паломничество душ! Как удивительно прекрасно, чудно, великолепно, что все мы собрались здесь, дорогие мои друзья! Неужели же все мы снова здесь, за рождественским столом?!

И вдруг со всеми нами стало происходить нечто странное. Поначалу мы усмехались и перемигивались, дивясь этому чудному человеку, столь безудержно и искренне предававшемуся своим восторгам над уставленным закусками столом. Но мало-помалу всех нас необъяснимым образом охватило какое-то теплое радостное чувство всеобщего единения. Я вглядывался в старые лица и замечал, как время от времени сквозь написанные на них радость и веселье проглядывает выражение тоски и одиночества. Красноречивее всяких слов рассказали мне эти лица о рождественских вечерах, проводимых в одиночестве в маленьких каморках, о бесчисленных днях рождения, с которыми никто тебя не поздравляет, о нескончаемо длинных светлых летних вечерах, которые не с кем делить. И вот явился Ставеланн и зажег рождественские свечи, собрал всех вместе, сделал все, чтобы помочь им преодолеть свою неловкость и смущение, нашел такие слова, которые вновь наполнили их жизнь смыслом и вернули им ощущение собственной ценности. На краткий миг все маленькие «я» слились в одно большое «мы», одиночество превратилось в солидарность. Что же заключено в этом маленьком человечке, который всегда здоровается со мной?

Для меня он вестник из иного, лучшего мира, где слышны голоса всех, где у каждого есть свое собственное имя и каждый чувствует свою ценность и незаменимость. Кроме того, а такое хоть и редко, но еще бывает, Ставеланн полностью лишен каких-либо задних мыслей. Он, как поется в псалме, «всю жизнь свою положил на других», причем сам себе в том не отдавая отчета. То и дело встречаешь его на улицах Осло: он куда-то спешит, вооруженный ножницами, бритвенным прибором и своим неистощимым запасом энергии. Весь день он проводит, навещая стариков и больных и, болтая с ними, подстригает ногти на трясущихся пальцах. Я не знаю никого, кто бы мог с таким тактом, как Ставеланн, уговорить побрить усики пожилую даму; при этом он выражается настолько изысканно, что слова, в устах другого звучащие оскорбительно, превращаются в комплименты.

Довольно часто чувство жалости и сострадания к ближнему заставляет его присоединяться к похоронной процессии, в которой участвуют лишь священник да пара носильщиков от муниципалитета. Ставеланн хочет, чтобы его похоронили в безымянной общей могиле; вид запущенных мест успокоения одиноких соотечественников удручающе действует на него. А сам он, судя по всему, не особо надеется, что у кого-то будет желание и время посадить цветы на его могильном холмике.

Перевел с норвежского
О. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

[1] *Жрец (библ.).— Здесь и далее прим. ред.*

[2] *С а м а р и т я н е — этническая группа, жившая в Израильском царстве. «Добрый самаритянин» — на всех языках синоним бескорыстия.*

STEVE VAI
Ibanez

L

«LEGS DIAMOND». Группа «Легз Даймонд» (имя известного в 30-е гг. амер. гангстера) образовалась в 1974 г. в США.

Исходный состав: Майкл Принс, клав.; Майкл Даймонд, бас; Рик Сенфорд, вок.; Джефф Пул, уд.; Роджер Ромео, гит.

Гр. выступала в небольших калифорнийских залах и исполняла традиционный для тех лет хард-рок, который сегодня мы назвали бы коммерческим. Однако творческий потенциал гр. рос, композиции становились более разноплановыми, и в 1977 г. гр. подписала контракт с «Меркьюри рекордз». Дебютный альб. получил резонанс в муз. прессе, а гр. пригласили открывать свои концерты сами «Кисс»,— последнее обстоятельство способствовало стремительной популярности «Л.Д.» в США.

Вторая пл. была не менее удачной, хотя стилистически гр. уже ушла от стандартной риффовой основы, в их почерке все явственнее прослушиваются элементы АОР (рок, ориентированный на альбомы). После записи следующего диска в автомобильной катастрофе гибнет их менеджер, и примерно на год «Л.Д.» приостанавливает работу.

В 1982 г. «Л.Д.» возобновляет выступления в клубах, подписывает контракт с фирмой «Таргет рекордз», и после ряда изменений состава выходит новый альб., он получает отличные отклики и в Европе.

Работа 1986 г. «Страна, где правит оружие» пока самая последняя, хотя в середине 1989 г. «Л.Д.» вновь изменили состав и подготовили материал для новой пл. Также с большим успехом прошли их гастроли в США и Англии весной 1990 г.

Пл.: Legs Diamond, 1977; A Diamond Is A Hard Rock, 1978; Fire-power, 1979; Out On Bail, 1984; Land Of The Gun, 1986.

Изменения состава: 1979 — Ромео,— Даймонд; 1981 + Джим Мэй, гит., + Майк Кристи, бас; 1984 — Пул, + Бейлен, уд.; 1985 — Бейлен, + Дасти Уотсон, уд.; 1989 — Тэй, + Р. Ромео, гит.

LENNON, JOHN. Джон Леннон (полное имя Джон Уинстон Леннон), 9 октября 1940 г., Ливерпуль — 8 декабря 1980 г., Нью-Йорк.

Родители Дж. Л. Джулия и Фред расстались, когда будущему лидеру «Битлз» было всего два года, и до совершеннолетия он жил в доме сестры своей матери Мими Смит. (В 1957 г. его мать погибла в автокатастрофе.) Вначале Дж. Л. ходил в начальную школу «Давдейл», потом — в среднюю «Куорри Бэнк»; название последней нашло свое отражение в самой первой группе Дж. Л. «Куорримен», которую он организовал в 1955 г. Летом 1956 г. Дж. Л. познакомился с Полом Маккартни — они начали писать песни, пробовали собирать группы, последней из которых стала «Битлз».

Еще до официального распада «Битлз» в 1970 г. (Дж. Л. хотел выйти из группы раньше), он приступил к сольной работе, которая проходила главным образом в сотрудничестве с его второй женой Йоко Оно. (Они познакомились в 1966 г. в лондонском художественном салоне «Индика», затем Дж. Л. финансировал ее персональную выставку, в ноябре 1968 г. Дж. Л. развелся с первой женой Цинцией, и 20 марта 1969 г. в Гибралтаре зарегистрировал брак с Й. О.).

В ноябре 1968 г. вышел первый сольный альб. Дж. Л. (с Й. О.), который музыкально абсолютно не похож на то, чем Дж. Л. занимался в составе «Битлз» (это же относится и к четырем последующим пл.) — такое резкое изменение стилистики вызвало негодование поклонников «Битлз» во всем мире (в то время Дж. Л., не без влияния Й. О., пытался «квазимузыкальными средствами» выразить свое отношение к жизни). Примерно в тот же период пара предпринимает свою первую политическую акцию: в номере амстердамского «Хилтона» Дж. Л. и Й. О. проводят «сидячую мирную демонстрацию протеста против участия европ. стран в военных действиях во Вьетнаме». В том же 1969 г. Дж. Л. меняет свое второе имя на Оно и становится Джоном Оно Ленноном.

Дж. Л. перебирается в США, проводит там серию политических манифестаций, и амер. власти выдворяют его из страны (формальным поводом к чему послужило обвинение в хранении наркотиков). Дж. Л. уезжает в Канаду, где записывает сингл «Дадим миру шанс», который занимает в хит-парадах США 2-е место (в Англии — 14-е). В сентябре 1969 г. Дж. Л. собирает группу «Plastic Ono Band» (Эрик Клэптон, Алан Уайт и Клаус Вурманн), с которой выступает на рок-фестивале в Торонто.

В ноябре 1969 г. он возвращает англ. королеве свой орден члена Британской империи, продолжает в прессе антивоенную кампанию под лозунгом «Война окончена! Если ты того хочешь». В конце 1970 г. выходит первый альбом новой группы. Эпиграфом к этому альбому — и всей последующей жизни художника — можно считать фразу из песни «Бог»: «Я не верю в «Битлз», я верю только в себя, в Йоко и себя».

В октябре 1971 г. Дж. Л. записывает свой лучший альб. «Представь себе», мгновенно занявший высшую строку в хит-парадах Англии и США. Примерно в это же время Дж. Л. и Й. О. сняли авангардистский фильм «Апофеоз», который был представлен на Канийском фестивале и получил хорошие рецензии специалистов.

Дж. Л. и Й. О. продолжают свою политическую деятельность: они активно сотрудничают с левыми радикалами США и выпускают самый политический из всех своих альбомов «Some Time In New York City», в который вошли такие остросоциальные вещи, как «Женщина — негр в этом мире», «Штат Аттика» и «Сестры, о сестры!» (в записи пл. принимали участие Фрэнк Заппа и группа «Elephant Memory»).

28 ноября 1974 г. Дж. Л. последний раз выступает на концерте, в феврале 1975 г. записывает альбом-подборку старых вещей известных исполнителей «Рок-н-ролл». 9 октября 1975 г. в день рождения самого Дж. Л., рождается его сын Шон Оно Леннон. Музыкант прекращает творческую деятельность и вплоть до 1979 г. занимается исключительно своей семьей. В 1976 г. он получает статус постоянного проживания в США.

В сентябре 1980 г. Дж. Л. и Й. О. подписывают контракт с новой фирмой «Геффен», и 15 ноября 1980 г. выходит последний прижизненный альб. Дж. Л. «Double Fantasy»: 8 декабря 1980 г. у входа в дом в него семь раз стреляет некий Марк Чепмэн, и спустя несколько часов Дж. Л. умирает в больнице имени Рузвельта. Тело этого великого человека было кремировано, а урна с прахом захоронена в Нью-Йорке.

Дж. Л. удостоился трех наград «Грэмми»: в 1966 г. за песню года «Michelle» (с Полом Маккартни), в 1970 г. за лучший сценарий муз. фильма («Let it Be»), в 1981 г. (посмертно) за альбом года «Double Fantasy» (с Й. О.).

Хит-синглы Дж. Л. (указываются места в хит-парадах Англии и США): Give Peace A Chance, 1969 (14—2); Cold Turkey, 1969 (30—14); Instant Karma, 1970 (3—5); Power To The People, (11—7); Imagine, 1971 (3, англ.); Happy Xmas (War Is Over), 1972 (4, США); Mind Games, 1973 (18—26); Whatever Gets You Thru The Night, 1974 (1—36); Number 9 Dream, 1975 (9—23); Stand By Me, 1975 (20—30); Imagine, 1975 (6, США); Happy Xmas (War Is Over), 1980 (2, США); Imagine (1, США); (Just Like) Starting Over, 1981 (1—3); Woman, 1981 (2—1); Watching The Wheels, 1981 (18—30); Nobody Told Me, 1984 (6—5); Imagine, 1988 (7—12); Jealous Guy, 1988 (36—2); Give Peace A Chance, 1988 (4—3).

Пл. («звездочкой» отмечены пл., записанные с Й. О.): Unfinished Music No 1: Two Virgins, 1968*; Unfinished Music No 2: Life With The Lions, 1969*; Wedding Album, 1969*; Live Peace In Toronto 1969, 1969* (Live LP); John Lennon/Plastic Ono Band, 1970; Imagine, 1971;

РЭР вне очереди

Damn Yankees

Когда великие музыканты покидают великие группы, всегда немного грустно.

Не так давно распалась отличная американская группа «Night Ranger» («Ночной бродяга»), еще раньше — другая — правда, более знаменитая, международного масштаба — группа «Стикс», а в совсем незапамятные времена — группа «Amboy Dukes». Игравшие в них Джек Блейдз (бас, вокал), Томми Шоу (гитара, вокал) и Тед Наджент в прошлом году собрались вместе, пригласили барабанщика Майкла Картеллоуна и назвались «Damn Yankees» («Вот это янки!»). Выпущенный вскоре альбом настолько органично соединил стили тех групп, откуда пришли «Янки», что о группе заговорили все музыкальные издания США и Англии.

Говорят, Кирк Хэммет стал себя неуютно чувствовать в «Металлике»...

Sometine In New York City, **1972*** **(2LP)**; Mind Games, **1973**; Walls And Bridges, **1974**; Rock And Roll, **1975**; Shaved Fish, **1975** **(сборник)**; Double Fantasy, **1980***; Eight Album Boxed Set, **1981** **(комплект из восьми порядковых альб.)**; The John Lennon Collection, **1982 (сборник)**; Heartplay — Unfinished Dialogue, **1983***; Milk And Honey, **1984***; Live In New York City, **1986*** **(Live LP, запись концерта 1972 г.)**; Menlove Avenue, **1986 (в Англии пл. вышла в 1987 г.)**; The Last Word — Interview Disk, **1988 (подборка интервью Дж. Л.)**; Imagine — The Movie, **1988 (фонограмма к одноименному фильму)**.

LENNON, JULIAN. **Джулиан Леннон. Родился 8 апреля 1963 г. в Великобритании. Англ. певец, гитарист, пианист, композитор.**

Пока о достижениях Дж. Л. можно говорить, пожалуй, лишь с точки зрения генетики: поразительное внешнее сходство с отцом, столь же своеобразная манера пения и явное стремление к клишированию музыкальных находок Джона.

После развода его мать Цинция Леннон определила юного Дж. Л. в закрытый частный пансион, где он получил неплохое муз. образование. С 1981 г. Дж. Л. начал вести самостоятельную жизнь, и в начале 1983 г. с помощью Фила Рэмона, старинного друга отца, приступил к записи дебютного альб., который вышел в 1984 г. (он выпущен и в СССР). Это достаточно ровная работа, которая привлекла внимание к Леннону-младшему (что было неизбежно, выпусти он даже откровенно слабый диск).

В 1986 г. Дж. Л. записал второй альб., который продюсировал уже самостоятельно: эта пл. получилась менее выразительной, изобилует повторами, а банальность музыкального материала автор попытался компенсировать зааранжированностью. В состав группы тогда входили: Алан Чайлдс, уд.; Кармин Рохас, бас; Чак Кентис, клав.; Джастин Клэйтон, гит.; Фрэнк Илмоу, сакс.

После продолжительного перерыва весной прошлого года Дж. Л. выпускает третий альб. Он оказался гораздо интереснее предыдущих, но, видимо, по инерции критики разнесли его в пух и прах. Как бы там ни было, Дж. Л. еще предстоит бороться за место в элите современного рока.

Пл.: Valotte, **1984**; The Secret Value Of Daydreaming, **1986**; Mr Jordan, **1989**.

«LEVEL 42» **(«Левел форти ту»), группа «Прицел 42» образовалась в 1980 г. в Великобритании.**

Исходный состав: Марк Кинг, вок., бас; Майк Линдап, клав., вок.; Фил Гулд, уд.; Бун Гулд, гит.

Братья Гулд и М. Кинг начали выступать в 70-х гг. на острове Мен, там же они организовали «Л.ф.т.», в которую вошел М. Линдап. Затем они переехали в Лондон и подписали контракт с фирмой «Полидор».

В начале 80-х гг. множество англ. групп взяли на вооружение сугубо черный муз. стиль джаз-фанк. Впоследствии такие группы приобретали собственное звучание, но в их музыке так или иначе обязательно присутствовали элементы фанк-рока. Избравшие для себя аналогичную модель, «Л.ф.т.» в короткое время приобрели популярность, хотя их стиль скорее можно определить как блюз-энд-соул. К середине 80-х гг. гр. успешно конкурировала с заезжими амер. знаменитостями, а М. Кинг был признан лучшим бас-гитаристом данного направления рока.

Музыканты начали экспериментировать с саундом, привлекли к работе франко-африканского специалиста Уэлли Бадару — с его помощью «Л.ф.т.» записали свой самый сильный альб. «Физическое присутствие», 1985. Потом М. Кинг работал с такими исполнителями, как Роберт Палмер, Ник Кершоу, Мидж Юр, сотрудничал с группами «Reflex» и «Direct Drive».

В начале 1988 г. братья Гулд покинули группу, и М. Кинг и М. Линдап дуэтом (не отказываясь от прежнего названия) записали очень сильный альб. «Глядя на солнце».

Пл.: Level 42, **1981**; The Early Tapes, **1982**; The Pursuit Of Accidents, **1982**; Standing In The Light, **1983**; True Colours, **1984**; A Physical Presence, **1985**; World Machine, **1985**; Running In The Family, **1987**; Staring At The Sun, **1988**; Level Best, **1989 (сборник)**.

М. Кинг соло: Influences, **1984**.

М. Линдап соло: Changes, **1990**.

LEWIS, JERRY LEE. **Джерри Ли Льюис. Родился 29 сентября 1935 г. в США. Вокалист, пианист, композитор.**

Уже в начале 50-х гг. Дж. Л. Л. выступал в барах Мемфиса с репертуаром, состоящим из кантри-песен — резкая, необычная манера игры на фортепиано привлекала любителей музыки. Один из посетителей оказался директором фирмы «Сан» (где примерно в то же время начал записываться и Элвис Пресли), и в 1956 г. Дж. Л. Л. записал свой первый сингл «Crazy Arms», а песня 1957 г. «А сейчас — танцы до упаду!» заняла в хит-параде 2-е место: стиль пианиста сравнивали с работой корабельной помпы, такая манера получила название «пампинг».

В 1958 г. Дж. Л. Л. отправился с гастролями в Англию, где получил великолепный прием, а песня «Фантастические кометы» заняла там 1-е место.

К середине 70-х Дж. Л. Л. стал культовой фигурой в мире рока (к тому времени он уже отдал дань всем стилям и остановился на оглушительном фортепианном роке), а его необузданный характер и бескомпромиссное отношение к творчеству снискали ему репутацию крайне жесткого человека, и к пианисту приклеилось прозвище «Убийца» (его однажды арестовала полиция: Дж. Л. Л. бродил у дома Э. Пресли с пистолетом в руках).

Сейчас «Убийца» стал сдержаннее, его великолепная игра и взрывные композиции до сих пор привлекают к пианисту все новые и новые поколения любителей рок-музыки.

Пл.: Jerry Lee Lewis, **1959**; Greatest, **1961 (сборник вещей с сорокапяток 1956—1959 гг.)**; JLL, Vol. 2, **1961**; Golden Hits, **1964 (сборник)**; Live At The Star Club Hamburg, **1964 (Live LP)**; Greatest Live Show On Earth, **1964 (Live LP)**; Return Of Rock, **1964**; Whole Lotta Shakin' Goin' On, **1965**; Country Songs For City Folks, **1965**; Memphis Beat, **1966**; By Request, **1967**; Breathless, **1967**; Soul My Way, **1967**; Another Place Another Time, **1968**; Still Comes Around, **1968**; I'm On Fire, **1969**; The Country Music Hall Of Fame, Vol. **1+2, 1969 (2LP — концертный сборник)**; Country Hits, **1969 (сборник)**; Together, **1969 (с Линдой Гейл Льюис)**; She Even Woke Me Up To Say Goodbye, **1970**; Original Golden Hits, Vol. **1+2, 1970 (2LP — сборник)**; There Must Be Mother To Love, **1971**; In Loving Memories, **1971**; Rockin' Rhythm' N' Blues, **1971**; Golden Cream Of Country, **1971 (сборник)**; Taste Of Country, **1971**; Memphis Rock'N'Roll, **1971**; Memphis Country, **1971**; Sunday Down South, **1971 (с Джонни Кэшем)**; Old Time Country Music, **1971**; Monsters, **1971**; Sing Hank Williams, **1971 (с Хэнком Уильямсом)**; The Killer Rocks On, **1971**; Would You Take Another Chance, **1971**; Rockin', **1971**; Original Golden Hits, Vol. **3, 1972 (сборник)**; Rockin'Up The Storm, **1972**; Live At The International, **1973 (Live LP)**; Who's Gonna Play The Old Piano, **1973**; Sometimes A Memory Ain't Enough, **1973**; The London Session, **1973**; Touching Home, **1973**; Rockin And Free, **1974**; **1—40** Country, **1974**; Country Style, **1974**; Sunstroke, **1974 (с Карлом Перкинсом)**; Fan Club Choice, **1974**; Southern Roots, **1974**; Jerry Lee Lewis And His Pumping Piano, **1975**; Boogie Woogie Country Man, **1975**; Rare, Vol. **1+2, 1975 (2LP — сборник ранних, ранее не издававшихся вещей)**; I'm A Rocker, **1975**; Odd Man In, **1975**; Explosive, **1975**; Country Class, **1976**; The Original, **1976 (сборник)**; Country Memories, **1977**; Nuggets, Vol. **1+2, 1977 (2LP — сборник)**; The Essential, **1978 (сборник)**; Shakin' Jerry Lee, **1978**; Keep Rockin', **1978**; Jerry Lee Lewis And Friends — Duets, **1978**; Back To Back, **1978**; Good Rocking Tonite, **1979**; From The Vaults Of Sun, **1979**; When Two Worlds Collide, **1980**; Trio Plus, **1980 (с Карлом Перкинсом и Чарли Ричем)**; Killer Country, **1980**; Million Dollar Quartet, **1980 (с Джонни Кэшем, Карлом Перкинсом и Элвисом Пресли; запись 1959 г.)**; The Pumpin' Piano Cat, **1981**; **39** And Holding, **1982 (сборник)**; Survivors, **1982 (с Джонни Кэшем и Марти Робинсом)**; Whole Lotta..., **1982**; The Great Ball Of Fire, **1982 (сборник)**; The Sun Years, **1983 (12LP — сборник)**; My Fingers Do Talking, **1983**; The Wild One, **1984**; I Am What I Am, **1984**; Kickin' Up A Storm, **1986**; The Killer: **1963—1968, 1986 (9LP — сборник)**; The Killer **1969—1972, 1986 (10LP — сборник)**; The Complete London Session, Vol. **1+2, 1986 (2LP)**; Class Of' 55, **1986 (с Джонни Кэшем, Карлом Перкинсом и Роем Орбисоном; запись 1955 г.)**; Milestones, **1986**; Live In Italy, **1989 (Live LP; запись 1987 г.)**; Killer: The Mercury Years, **1989 (6LP — сборник 1963—1977)**; Classic Jerry Lee Lewis, **1989 (8LP — сборник; только на компакт-дисках)**.

Совсем пропащий

Пит Шоттон был самым близким — и самым старым — другом Джона Леннона. Они вместе росли, вместе ходили в школу, вместе играли в группе, ему Джон поверял свои самые сокровенные мысли, короче — это были настоящие друзья. С момента основания фирмы «Эппл» Шоттон был ее директором. Сейчас он живет в Ливерпуле и пишет воспоминания о своей дружбе с одним из самых знаменитых людей нашего времени.

Отрывок из книги
Пита ШОТТОНА
«Джон Леннон в моей жизни»

Когда Джон и я, одиннадцатилетние, все еще в штанах на помочах, впервые переступили порог этой увитой плющом крепости, мужская школа «Куорри Бэнк» отпраздновала всего лишь тридцатилетний юбилей. Однако нам казалось, что здание — устремленное по традициям английской архитектуры в небо — стоит по меньшей мере двести тридцать лет. Учителя здесь важно шествовали и носили грозные черные мантии, а ученики обязаны были являться в школьных галстуках и черных форменных тужурках с эмблемой «Куорри Бэнк» — оленья голова на красно-золотом поле с девизом школы, начертанном на латыни: «Из этого грубого металла мы выкуем добродетель». Представьте себе Джонна Леннона, который носил ЭТО на своем сердце целых пять лет!

Хотя «Куорри Бэнк» не был интернатом в полном смысле слова, здесь все же использовалась система дортуаров — учеников разбивали на группы, в зависимости от того, в каком районе Ливерпуля они жили: оба, и Джон, и я, например, оказались в «вольере Вултон». Воспитатель вел учет плохих отметок, а каждая плохая отметка означала нарушение школьной дисциплины «средней тяжести». За две такие отметки полагалось наказание — «задержание», то есть час принудительной работы после окончания уроков; это могла быть уборка листьев или мытье полов. (За несколько лет в «Куорри Бэнк» Джон и я перебросали листьев столько, сколько нормальный человек не видит и за всю жизнь.) Более серьезные нарушения влекли за собой визит в кабинет воспитателя (это помещение также было родным и близким для нас обоих) и, что было не редкостью, последующую порку, которую диктатор осуществлял собственноручно. В пятидесятых годах телесные наказания все еще были весьма модными в средней школе «Куорри Бэнк».

Тот факт, что нас приняли в эту школу одновременно, сам по себе еще вовсе не означал, что мы с Джоном закончим ее в одном и том же классе, поскольку каждый класс подразделялся еще как бы на три подкласса. Однако, к счастью для нас обоих, первое время мы считались многообещающими учениками, поскольку отлично успевали по всем предметам. (В начальной школе Джон обнаружил определенные способности в рисовании и английском языке, я же считался склонным к математике и естественным наукам.) После того как мы блистательно не оправдали надежд, на второй год нашего обучения нас перевели в подкласс хорошистов — это нас весьма устраивало, поскольку в отличниках ходили самые противные нюни и плаксы. Потом — и это будет в высшей степени подробно изложено ниже — мы, всячески помогая друг другу, скатились на самое дно и оказались среди отпетых смутьянов, бездельников и недоумков. А поскольку успеваемость летела вниз примерно с одинаковой скоростью, наша «каскадная пара» не разлучалась и имела возможность давать непрерывные спектакли в течение всей школьной карьеры.

Понадобилось не слишком много времени, чтобы мы приобрели репутацию классных шутов. Особо не раз-

думывая, мы прятали в своих школьных ранцах будильники, поставленные на середину урока, заряжали велосипедный насос чернилами и поливали самых беспечных учителей, когда те поворачивались спиной к классу, или же резко опускали классную доску — в тот самый момент, когда учитель начинал на ней писать.

Всякий раз, когда нам с Джоном удавалось это устроить, вина за наши проделки обязательно падала на кого-то другого. Обнаружив, что колонны в одной из классных комнат внутри полые, мы затолкали в одну из них нашего самого покорного и безобидного товарища, как раз перед уроком французского языка. (В соответствии с традицией, учитель торжественно входит в класс одновременно со звонком, к этому моменту ученикам положено сидеть за партами.) В середине урока нашей жертве из-за недостатка воздуха сделалось дурно, и парень выпал словно из стены, сопроводив все это внушительным звуком.

«Симмонс,— рявкнул учитель,— сядь на место и прекрати паясничать!» И хотя оглоушенный Симмонс никогда не посмел бы указать на нас, проблемы все же могли возникнуть, поскольку мы от души потешались над успехом своей проделки.

С нашим талантом к плохим отметкам Джон и я привыкли «задерживаться» после уроков по нескольку раз в неделю. Когда и эта мера не повлияла, нам организовали первое свидание с директором.

Эрни Тейлор — очень высокий, мощного сложения джентльмен с копной седых волос — был для всех учеников кем-то вроде человека-невидимки, но сам факт его существования наводил на всех страх. Так как директор «Куорри Бэнк» был лишь номинальным главой школы, он не преподавал в классах и не слишком часто имел контакты с неуспевающими учениками. Помимо утренней линейки, нам лишь изредка доводилось видеть хвост исчезающей за углом черной мантии мистера Тейлора. Перспектива оказаться лицом к лицу с этим кошмарным видением, да еще в его собственном кабинете, наводила ужас даже на самых законченных балбесов.

Пока мы ожидали экзекуции, Джон наслаждался, играя на самых дурных моих предчувствиях.

«Говорят, господин Тейлор держит свою трость в бархатном чехле,— шептал он мне на ухо,— а чехол весь усыпан бриллиантами...» Прежде чем он успел развить эту тему, из кабинета директора глухо прозвучало: «Одному из мальчиков зайти!»

Джон первым отправился навстречу опасности, оставив меня нервно ерзать у закрытой двери. Из-за стены до меня доносился голос мистера Тейлора, который становился все громче и громче (слов, однако, я не разбирал), после чего я услышал звук ударов ужасной трости по спине Джона. Хотя ничего иного для себя мы и не ждали, я был потрясен, увидев наконец Джона: он выполз на четвереньках и громко стенал, словно прощался с жизнью. Мучения Джона укрепили мои самые худшие предположения.

«О боже, Джон! — пролепетал я.— У них там, что, камера пыток?»

Продолжая хныкать, Джон заковылял на четвереньках прочь, но не удержался и улыбнулся тому эффекту, какой произвело на меня его представление. Оказалось, перед кабинетом директора есть маленький вестибюль, что и дало возможность Джону принять на обратном пути подобающую случаю позу. Когда я понял, что он ломал комедию, меня скрутил припадок смеха — и как раз в тот момент, когда настал мой черед. Нет необходимости говорить, что мистеру Тейлору это отнюдь не показалось забавным.

«Если ты полагаешь, Шоттон, что все это очень весело,— заревел он,— то я тебе покажу, что такое настоящее веселье! Нагнись!» После чего последовала самая жуткая в моей жизни порка.

Джон ждал меня в конце коридора, в нормальном вертикальном положении, и широко улыбался.

«Ты гад, Леннон! — взвыл я.— Из-за тебя меня там чуть не прикончили!»

Когда нас с Джоном в следующий раз отправили в кабинет директора, мы с величайшим облегчением обнаружили, что в тот день мистер Тейлор отсутствовал. На его месте сидел завуч, мистер Галлауэй, чокнутый учитель географии, знаменитый тем, что вечно сдвигал очки на свой лысый затылок, а половину урока искал их.

Мистер Галлауэй сразу же сделал ошибку, потребовав, чтобы мы встали у него за спиной, пока он пытался найти наши фамилии в здоровенной черной книге, куда записывались все провинившиеся.

«Так, посмотрим,— бормотал он,— твоя фамилия Шоттон, не так ли. Так, правильно...» Пока мистер Галлауэй бубнил свое, Джон протянул руку и слегка коснулся его последних оставшихся волосинок.

Старикан, естественно, подумал, что его беспокоит муха и шлепнул себя по лбу. Всякий раз, когда он так делал, Джон отдергивал руку и через несколько мгновений возобновлял игру. Несколько минут руки порхали над головой мистера Галлауэя, а потом нас скрутил жуткий хохот, и Джон форменным образом напустил в штаны (что было естественной реакцией на такую отчаянную ситуацию).

Услышав мерный звук падающих капель, которые скатывались из-под штанины Джона и собирались в маленькую лужицу на полу, мистер Галлауэй наконец прервал свой неразборчивый монолог.

«Что за чертовщина?» — потребовал он, медленно поворачиваясь в кресле.

Моментально сделав серьезное лицо, Джон ответил: «Наверное, крыша протекает, сэр».

Не в силах больше сдерживаться — в тот день-то и дождя не было,— я чуть все не испортил, скрючившись в истерическом хохоте. Однако быстрая реакция Джона вновь спасла ситуацию.

«Ну, честное слово, Пит! — воскликнул он, добавив специально для мистера Галлауэя: — Он целый день чихает, сэр. Дико простудился».

Я тут же закрыл лицо ладонями и сделал вид, что борюсь с чихом. Обалдевший завуч решил, что в достаточной мере насладился нашим обществом, и, после того как мы ему пообещали примерное поведение в будущем, избавил себя от нашего присутствия.

Тем временем записи в наших дневниках приобретали все более зловещий характер: «Напрасно растрачиваемые способности», «Клоун класса», «Поведение отвратительное» и «Безнадежен» — это всего лишь малая часть эпитетов, которыми жонглировали учителя, оценивая нашу учебу. Когда наступало время знакомить с этими перлами родителей, я обычно сопровождал Джона домой, чтобы хоть как-то поддержать его в словесной буре, которую неизменно устраивала его тетка Мими. Джон, в свою очередь, помогал мне донести новости до моей в равной степени разгневанной матушки.

Должно быть, мы с Джоном могли привести в ярость и более современную цитадель знаний, но я и по сей день уверен, что причина нашего неудавшегося «образования» кроется в самой «Куорри Бэнк». Большинство наших учителей настолько погрязли в трясине викторианских академических традиций, что им и в голову не приходило обратить внимание на наши способности и развить их: их работа, как они себе ее представляли, заключалась в принудительном накачивании нас фактами и цифрами, которые — как мы все подозревали — в дальнейшем окажутся совершенно бесполезными. И если Джон добился значительного успеха как художник, писатель и музыкант, то скорее в о п р е к и, а не благодаря своему формальному школьному образованию.

Джон был ненасытным читателем и тем не менее регулярно проваливался по английской литературе, так как его любимые книги очень редко совпадали с теми, что мы «проходили». Помимо Ричмала Комтона, в число его любимых писателей входили Эдгар Аллан По, Джеймс Тербер, Эдвард Лир, Кеннет Грэхем (и его знаменитая вещь «Ветер в ивах»), Роберт Луис Стивенсон (особенно «Остров сокровищ») и Льюис Кэрролл — «Алиса в Стране Чудес» и «Алиса в Зазеркалье» были для нас обоих вроде Библии. (Знаменитую абракадабру из «Алисы в Зазеркалье» Джон цитировал мне, должно быть, несколько сот раз.) С детства величайшей мечтой Джона было «написать «Алису» самому».

Даже в самые скандальные периоды нашего пребывания в «Куорри Бэнк» Джон очень много писал и рисовал — правда, нередко его таланты превращались в орудие озорства. Он лихорадочно рисовал во время урока, делая

вид, будто записывает за учителем — и как только учитель поворачивался к нам спиной, Джон моментально перебрасывал плоды своего труда на мою парту (особенно, когда ему хотелось сбить меня с толку на уроке математики, моем любимом предмете, который Джон люто ненавидел). Среди этих рисунков можно было обнаружить все, что угодно — от пастиччо на темы Льюиса Кэрролла до карикатур на джентльмена, гарцующего в данный момент перед классом. Я начинал хихикать, и указующий перст учителя обращался в м о ю сторону.

«Они великолепны, Джон,— говорил я ему,— ты должен сделать из этого книгу».

«Ну ладно,— в конце концов сдался Джон,— каждый вечер после уроков я буду делать новый выпуск». Теперь Джон каждое утро приносил в класс новый рассказ или поэму, отлично иллюстрированные — все они подшивались в большую школьную тетрадь, которую Джон назвал «Дейли хаул» («Ежедневный вой») — (Джон обыгрывает типичные для Англии названия газет: «Дейли экспресс», «Дейли ньюс» и т. д.— *Пер.*).

Здесь были и стихи-пародия на работы Дэйва Крокетта под названием «История Дэйва Раздвоенной Башки», и сказка, на которую Джона вдохновил популярный шлягер «И вдруг перед нами возникла долина» — сказка начиналась словами: «И вдруг перед нами возник камердинер, который скакал верхом...» (по-английски слова «долина» и «камердинер» произносятся одинаково.— *Пер.*). Один сюрреалистический рассказ назывался «Приключения моркови в картофельной шахте». Эти эпические произведения были пересыпаны «краткими телеграфными сообщениями», в число которых входили прогноз погоды («Завтра будет сыро и душно, потом еще хуже, потом никак не будет, а потом вас задушат») и бесчисленные комиксы.

Джон населял свои произведения всевозможными фантастическими персонажами, среди которых были горбуны, карлики, трехногие и пятирукие рыбы. Одноклассникам так понравились эти выпуски, что за ними выстраивалась настоящая очередь, и Джон завел специальный лист, в котором, как библиотекарь, отмечал всех, кто брал выпуски на дом. Даже после того, как «Ежедневный вой» конфисковали — что было неизбежно, «издание» продолжало привлекать внимание: один из учителей позже рассказывал, что, увидев прозу и рисунки Джона, некоторые его коллеги были поражены талантом и глубиной воображения непослушного школьника. Однако большинство учителей не разделяли этих восторгов. (Самая первая подборка рисунков и рассказов так и не вернулась к Джону, и только в середине 70-х годов один школьник обнаружил ее за батареей в пыльной учительской «Куорри Бэнк» и вернул автору. Вероятно, сейчас тетрадка находится у Йоко Оно.)

Неприязненное отношение Джона к «Куорри Бэнк» как-то выплеснулось в одном интервью лет пятнадцать назад (*то есть примерно в 1968 году.— Пер.*). «Разве им было не понятно,— риторически вопрошал он корреспондента,— что я был самым талантливым учеником в этой школе? А большинство учителей — тупицы? Они не понимали, что пичкают меня совершенно бесполезной информацией. Я только потерял время в этой чертовой школе...

Некоторые учителя — их было немного — поощряли мои занятия рисованием, настаивали, чтобы я писал. Но большинство пытались сделать из меня какого-нибудь идиотского зубного техника или такого же болвана учителя... Не думайте, что я стал личностью, когда появились «Битлз»: я был личностью всю свою жизнь...»

Без очков Джон Леннон был слеп как крот, без них он не видел даже на расстоянии двух ярдов. Поэтому очки были одним из величайших его сокровищ (как и велосипед), и держал он их под спудом. После нескольких лет сражений по этому поводу тетушка наконец настояла на том, чтобы Джон носил нужные ему линзы в круглой черной оправе.

Но даже после того, как ему достали великолепные модные очки, Джон продолжал стесняться и надевал их только в случае самой крайней необходимости. Когда никого из нас не было поблизости, чтобы сказать ему, какие автобусы останавливаются на данной остановке, он долго щурился, изучая табличку, вместо того, чтобы надеть свои очки или (упаси бог!) спросить у прохожих.

Наши местные хулиганы приходили в ярость от того, как Джон их разглядывает. Джимми Тарбук — ныне известнейший комедийный актер, а в те годы гроза Вултона — как-то налетел на Джона, когда вся наша компания прогуливалась по Пенни-Лейн. «Что это ты вытаращился на меня, Леннон?» — рявкнул он на Джона грозным голосом.

Джон, в обычной своей манере, пытался проигнорировать Джимми, который вдобавок был на несколько лет старше нас, но ничего хорошего из этого не вышло: одной рукой Джимми схватил Джона за «фирменный» галстук школы «Куорри Бэнк», а из другой соорудил внушительных размеров кулак. Дело принимало серьезный оборот, и я решил вмешаться: «Послушай, Джимми,— сказал я,— он же почти слепой. Когда он на что-нибудь смотрит, ему приходится щуриться, чтобы лучше разглядеть!»

«Это правда, Леннон?» — строго спросил Джимми.

«Да правда, правда»,— пробурчал Джон и достал из кармана очки с толстыми стеклами. Внимательно изучив «вещественное доказательство», Джимми отпустил галстук Джона и отправился по своим делам (надо же было к кому-то придраться, иначе день был бы прожит напрасно).

«Чуть было не влипли»,— прошептал потом Джон. Если бы Джимми Тарбук решил поразмяться, у нас не было бы ни малейших шансов на равный бой или даже на достойное поражение.

(Когда и Леннон, и Тарбук уже стали знаменитостями, они как-то встретились на одном рауте. «Он оказался отличным парнем,— позже рассказывал мне Джон,— по-моему, он даже и не вспомнил тот случай».)

Величайшее достижение Джона в «Куорри Бэнк», вероятно, относится к выпускному школьному празднику — он по традиции происходит на свежем воздухе, ученикам дается возможность продемонстрировать свои способности в живописи, пении и других видах искусств, а весь сбор идет в школьный фонд. Мы с Джоном ни разу добровольно не принимали участия в «показательной школьной деятельности», предпочитая оставаться зрителями. Однако в наш последний год мы озадачили организаторов, известив их, что собираемся показать игру в дарты (*метание стрелок в мишень.— Пер.*).

До самого последнего момента они не знали, что наши мишени будут представлять собой самые знаменитые карикатуры Джона на учителей — он с бешеной скоростью рисовал их на пустых коробках из-под кукурузных хлопьев. Мы выбрали удобное место и установили мишени. За шиллинг каждый мог получить право на три броска, а попавший в головы трем учителям получал свои деньги обратно, да еще в двойном размере.

Популярность нашего аттракциона превзошла самые смелые прогнозы. Ученики выстраивались в очередь, чтобы отплатить своим мучителям, а у тех не было иного выбора, как воспринимать все происходящее «с юмором». К концу праздника мы с Джоном собрали фантастическую сумму, двадцать восемь фунтов и четыре шиллинга. Мы благополучно прикарманили по восемь фунтов, а остальное, как и положено, внесли в фонд школы.

На следующий день была линейка, и директор — к тому времени уже мистер Побджой — произнес небольшую речь, посвященную празднику. Праздник удался, сообщил он, и принес школе «Куорри Бэнк» небывалый доход. «Мы должны особо поблагодарить,— продолжал он,— двух молодых людей, придумавших игру, которая побила все предыдущие рекорды поступления средств. Они собрали внушительную сумму: двенадцать фунтов и четыре шиллинга. Отлично придумано, Леннон и Шоттон!»

И пока мужская школа «Куорри Бэнк» содрогалась от аплодисментов, Джон нагнулся ко мне и прошептал: «Надо было зажилить по десять фунтов, Пит!»

Перевел с английского
С. КАСТАЛЬСКИЙ

ТЫСЯЧИ ЛЕТ КАЖДОЕ НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ ДЕВУШЕК МУЧАЕТСЯ ОДНИМ И ТЕМ ЖЕ ВОПРОСОМ: «КАК БЫТЬ КРАСИВОЙ?» Из года в год мы в журнале то так, то эдак стараемся приходить на помощь новым поколениям, и, получив очередной вопрос, недоумеваем: да мы ведь уже писали! Забывая о том, что на смену девушкам, ставшим при помощи «Ровесника» красавицами, подрастают другие — красивые, конечно, и так, но продолжающие терзаться Вопросом...

Увы, в традициях, наших красавиц не верить советам отечественных подруг, мам и бабушек, но, к счастью, в традициях «Ровесника» давать рекомендации, почерпнутые из зарубежных изданий. На этот раз предлагаем советы из западногерманского журнала «Браво», а если они совпадают с советами мам — что ж, значит, не всегда мамы ошибаются...

Каждое утро извольте начинать непременно с гимнастики — пусть минут на 5, но обязательно при открытой форточке. Помимо всего прочего, это улучшает цвет лица.

Ни в коем случае не пренебрегайте масками — в зависимости от типа кожи каждая должна выбрать свою. Лучшее умывание для юных девушек — отрубями или толокном.

Волосы должны быть только чистыми! У молодых девушек они быстро грязнятся, поэтому не слушайте советов типа «от бани до бани» — мойте их по мере загрязнения. Но своим типом шампуня.

Особенно следите за кожей спины — у молодых девушек могут быть проблемы, сами знаете, какие. Поэтому разыщите жесткую щетку с длинной ручкой — и мылом, мылом...

Никогда не полагайтесь на то, что туфли закрытые. Вовремя сделанный педикюр — основа легкой походки и весьма способствует уверенности в себе. Красить ногти лаком совсем не обязательно!

Извините за интимную деталь, но волосы на ногах необходимо сбривать. Что бы при этом ни говорили иные бабушки. Можно, конечно, пользоваться специальными кремами-депиляториями, но у нас, как известно, с ними не густо. Но и там, где они есть, женщины все же предпочитают бритву.

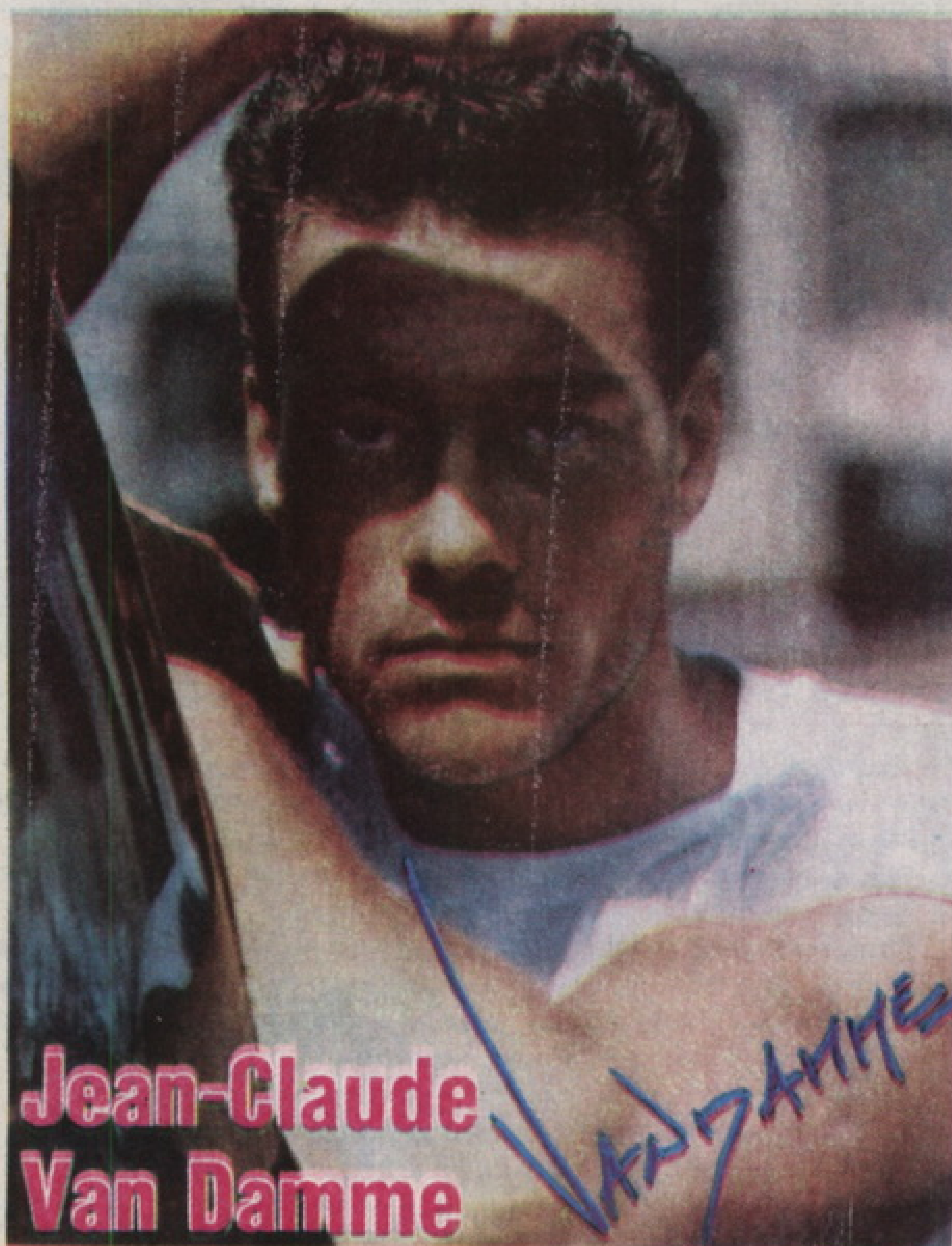
Чтобы взбодриться (когда много, например, занимаешься, сидишь за письменным столом), совсем не грех минут десять потанцевать под «заводную» музыку. Но только не делайте этого перед сном, а то так взбодритесь, что и уснуть не сможете. А сон для девушки — основа красоты и здоровья.

Ну, и насчет еды — как можно больше овощей и фруктов. Понимаем, что в наших сегодняшних условиях совет этот звучит как издевка, но, извините, вожделенная многими колбаса — издевательство над собственным организмом куда более тяжкое.

ВЫ СПРАШИВАЛИ

НАСТОЯЩЕЕ ИМЯ ВАН ДАММА — Жан-Клод Ван Варенберг. Родился в Брюсселе в 1960 году. Женат, имеет сына четырех лет. Этот обаятельный голубоглазый атлет в прошлом — чемпион Европы по каратэ. Завершив 8 лет назад свою спортивную карьеру, Жан-Клод отправился за океан, чтобы «начать с нуля». В Соединенных Штатах экс-чемпион Европы... продавал пиццу, работал водителем такси, занимался торговлей коврами и т. д. и т. п., пока наконец не получил в 1987 году первую роль в кино. Успех фильма «Без страха и упрека» («Тигр каратэ») превзошел все ожидания. Вскоре за ним последовали «Кровавый спорт», «Киборг» и другие. Сейчас Жан-Клод Ван Дамм постоянно живет в Лос-Анджелесе, он в прекрасной форме, много снимается. И — специальная информация для поклонниц: рост «Тигра каратэ» — 177 см, он обожает вкусно поесть, его жена увлекается культуризмом и занимает на соревнованиях призовые места.

МИР ВУНДЕРКИНДАМИ НЕ УДИВИШЬ — мир привык удивляться вундеркиндам. Но этот милый малыш поразил даже видавших все виды участников и зрителей фестиваля «Монстры рока» в Доннингтоне. Десятилетний англичанин Томас Макроклин, самый юный из всех «металлюг», выступил с самим Стивом Вэем. Папа, он же менеджер Томаса, объясняет успех сына так: «Я с раннего детства читал ему «Волшебника страны Оз», потому он полюбил Оззи. А от него уже и пошло... С трех лет он слушал «Тин Лиззи», великих гитаристов — Рэнди Роудса, Джо Сатриани («Ну да, великий,— фыркает Томас,— на всем диске всего две приличных темы»), Эдди Ван Халена («Ему б вообще только в кафе играть»,— комментирует Томас). А в пять лет сам взял в руки гитару».

И взял, судя по всему, крепко. По крайней мере на вопрос, кого бы он пригласил в вокалисты, если б ему пришлось записывать сольную пластинку, Томас ответил: «Дэвида Ли Рота. Он, в общем-то, ничего... Подойдет». А когда слегка растерявшийся корреспондент «металлического» журнала «Керранг!» попытался выведать у юной звезды, что он чувствовал, играя вместе с кумиром детства Стивом Вэем, Томас невозмутимо ответствовал: «Ничего особенного. Играет нормально. Ему же нужна реклама, вот он меня и пригласил».

Впрочем, кое в чем юный «монстр» все же утешил взрослых — он объявил, что после «металла» ему больше всего нравятся мультики...

НА ДЕЛЬФИНА НАДЕЙСЯ, А САМ... Дельфины — наши морские братья — не устают поражать нас неослабным желанием «взять над нами шефство». Один фольклор поставляет нам массу тому свидетельств. Литература, искусство, а в наши дни и наука уделяют дельфинам самое пристальное внимание. В итальянском городе Римини, в дельфинарии Леандро Спанцани, идет интересный эксперимент: связанный ныряльщик бросается в воду, а дельфины бережно поднимают его на поверхность, предварительно освободив от пут. Что ж, теперь нам есть откуда ждать помощи...

В углу круга

Хорди СЬЕРРА-И-ФАБРА,
испанский писатель

Приключенческая повесть

Ей очень хотелось быть сильной, но, кажется, на этот раз не удалось — нагнувшись, она долго внимательно разглядывала свои ухоженные ногти.

— Однажды я попыталась объясниться с ним, но из этого ничего не вышло. Помню, тогда он сказал, что еще немного — и вновь обретет свою юность, для этого нужно только любить, любить ту женщину. Я не знала, что и делать, я видела: его не вернуть.

С ее-то тщеславием — и так легко отступиться? Впрочем, известно: чужая душа потемки...

— Простите за нескромный вопрос... Когда он познакомился с вами, вы были единственной?

— В ту пору у него сложились какие-то особые отношения с дочерью.

— Да что ж там такого особенного?

— С тех пор как он вернулся в Барселону, и дня не проходило, чтобы Тина не повидалась с ним. Хави переживал нечто вроде возвращения отцовского чувства: во что бы то ни стало он хотел наверстать упущенное. Все-таки девочка росла без отца. Ради дочери он был готов на все, и ревновать тут бессмысленно. Несколько запоздалая привязанность, но что поделать... А теперь, прошу вас, уходите. Право, я рассказала вам даже больше, чем мне бы хотелось. К тому же я сегодня не в форме, второй день нездоровится. И потом, ваше известие... Мне необходимо побыть одной.

X

Менендес и Сола явно успели нанести визит бывшей жене Хави, а значит, настал и мой черед повидаться с Робертой. И не потому, что я так уж рассчитывал на ее помощь — просто больше уже нельзя было откладывать нашу встречу. Конечно, фараоны могли бог знает что наплести ей обо мне, но я не боялся предстать в дурном свете: несмотря на то, что супруги Мора уже пять лет как состояли в разводе, мы с Робертой остались добрыми друзьями.

Хорошо бы еще повидаться с Тиной. Раз уж Хави вспомнил о своем отцовстве, вернуть расположение дочери он мог только предельной откровенностью.

На мой звонок отозвался незнакомый женский голос, я представился, и на пороге появилась... Тина.

Повстречайся мы с ней на улице — нипочем не узнал бы, ведь она помнилась мне двенадцатилетним угловатым подростком. Теперь на меня исподлобья, вызывающе смотрела прелестная юная женщина.

— Тебе что здесь нужно? — спросила она жестко.

— Тина, что с тобой, ведь это же я! Ты не...

— Узнала. Ну, так что тебе здесь еще нужно?

Сволочи. Ох, какие они все-таки сволочи. Нагадили, значит, не удержались.

— Позови, пожалуйста, маму,— я старался держаться пристойно, хотя впору было зареветь от обиды. И стало вдруг муторно на душе и тревожно.

— Маму увезла полиция. Минут десять назад. Считай, тебе повезло, что разминулись.

Спрятав лицо в ладони, она по-детски горько расплакалась, и я потянулся к ней, как бывало, обнять, успокоить, утешить... Взять на руки, что ли... Не знаю. Но от первого же прикосновения она отпрянула, как от удара.

— Не смей ко мне прикасаться!

В глазах ее застыл ужас. Ох, какие же они сволочи!

— Постой, Тина! Что они тебе говорили?

— Уходи, чтоб ноги твоей здесь больше не было! — Слова ей давались трудно. Если б я мог исполнить то, что она сейчас от души желала,— провалился бы в тартарары.

— Зачем ты так? Твой отец был из лучших моих друзей, и Роберта...

— А теперь ее увезли для опознания трупа... Моего отца, ее бывшего мужа. Жаль, поспешили,— им вполне мог составить компанию его убийца!

— Но я не убивал его, Тина! Клянусь тебе...

— Зачем же тогда он написал твое имя?

— Да мало ли, господи... Послушай, если б со мной все

Продолжение. Начало см. в № 8 и 9 за этот год.

было ясно, неужели ты думаешь, что они бы меня отпустили?

— Не знаю, я ничего не знаю... Что тебе от нас нужно?

— Поговорить с Робертой. И с тобой. Я должен знать...

Она, развернувшись, молча зашла в квартиру. Я ринулся следом — Тины нигде не было. Я уселся ждать в прихожей. Наконец где-то скрипнула дверь, и появилась Тина со спортивной сумкой в руке.

— Куда ты?..— робко поинтересовался я.

— Оставь меня! Ты ведь хотел поговорить с матерью? Ну вот и жди ее. Оставьте вы меня все в покое! Не желаю ни слышать, ни видеть...

Она опять разрыдалась, теперь хоть на моей груди.

— Тина,— я старался тщательно выбирать слова,— кто-то убил твоего отца, и мне во что бы то ни стало нужно узнать, чьих это рук дело. А без помощи здесь не обойтись, понимаешь?

Я взял в ладони ее лицо. Слезы оставляли мокрые бороздки на щеках.

— Я не могу сейчас... Мне бы побыть одной, вот и все... Я должна понять, как... И ты должен до всего дойти сам. Думай, Даниэль, думай...

Выскользнув из моих рук, она скрылась в дверном проеме — легко и беззвучно, будто и не было ее вовсе.

XI

Третья, кто же все-таки эта третья женщина?.. И стоит ли тратить время на ее поиски? Может, Роберта что-то знает?

...Мы долго стояли обнявшись, потом отстранились, взглянули друг другу в глаза. Все так же молча, рука об руку прошли в столовую, и зеркало отразило наши лица, такие чужие и родные.

— Дан,— говоря, она отвернулась к окну,— эти сыщики говорят, что ты...

Я коснулся пальцами ее подбородка и понял, что передо мной — не вдова, оплакивающая смерть своего мужа, а просто женщина, которой горько за судьбу человека, разделившего с ней ломоть жизни, надежд, снов и пробуждений. Человек был отцом ее дочери. Любовь? Нет, любовь — это другое.

— Ты ведь знаешь, я давно с ним не виделся, не представлял даже, что он в Барселоне. Если это написал Хави — значит, тут надо искать ключ к какому-то шифру. Иначе было бы «Дан», а не «Рос». А если не он... Выходит, для убийцы и я словно кость в горле. Расскажи мне о Хави, Роберта.

— Что бы ты хотел услышать? — Она натянуто улыбнулась.

— Мне сказали, что он очень сблизился с Тиной.

— Да, с тех пор, как вернулся в Барселону. Но здесь Хави не был ни разу. Все переговоры велись по телефону, потом Тина срывалась куда-то...

— Ну а в общем? Как он вел себя все это время?

— Безукоризненно. С тех пор как мы расстались, он аккуратно высылал мне деньги, обо всем заботился. Учеба, каникулы, когда Тина ездила в Лондон, чтобы совершенствовать свой английский, операция — все он взвалил на свои плечи. Я не говорю о Рождестве, ее именинах, днях рождения,— это само собой... Я через случайных людей узнала, что ему иногда приходилось даже занимать, чтобы мы не остались без денег, но он никогда сам не признался бы в этом.

— Когда ты в последний раз его видела?

— Кажется... Ну конечно, в дни, когда Тину готовили к операции, через полтора года после того, как мы развелись. Хави пришел в больницу. Но... Позавчера Хави был здесь.

— Во вторник? — вскинулся я.— Значит...

— Нет, мы так и не встретились.— Она отвернулась к окну.— Я ушла в кино, а когда вернулась, соседка, что напротив, мне рассказала. Сеньора Кармен... Он пришел с каким-то пакетом и очень спешил. Спросил только, не припозднюсь ли я, и почти тотчас ушел. На мгновенье сеньоре Кармен показалось, что он готов был отдать ей пакет... Но, видно, передумал.

Вот это просто ни в какие ворота! Настолько абсурдно, нелепо — и убедительно, что могло бы расставить все на места... Или оказаться пустышкой. А если это все-таки след к убийству?

— Может, Хави время от времени тебе что-нибудь заносил, пока ты на работе?

— Да нет же, потому я и удивилась, но, признаться, особого значения не придала. Стоп, стоп... А ведь это действительно очень важно...

— Если он пришел отдать тебе пакет,— подхватил я,— то почему не оставил соседке? Значит, хотел передать только из рук в руки...

— И пакет остался у него. Дома.

Конечно, где ж ему еще быть? Я напряг память, шаг за шагом припоминая перипетии того ужасного утреннего визита... Пакета я не помнил.

— Какого он был размера?

— Мне и в голову не пришло спросить об этом. Теперь придется ждать до вечера: по четвергам сеньора Кармен навещает племянницу.

— Конечно, все бывает,— я и сам не заметил, что рассуждаю вслух,— но впервые за столько лет — и за день до смерти... А где же была Тина?

Тень набежала на ее лицо, ладонь в моей руке закаменела.

— Что с тобой, Роберта?

— Тина... Понимаешь, у нее своя жизнь.

— Она что, отбилась от рук?

— Внешне все выглядит пристойно, почти все вещи ее здесь, но она на паях с подружкой снимает комнату. Не комнату даже, а...— Роберта уже еле сдерживалась, чтоб не заплакать.— Дан...— она просительно заглянула в глаза,— ты же помнишь, какая это была девочка — веселая, открытая, добрая. Правда, студентка из нее пока не ахти какая, да уж что поделаешь, если в голове семь пятниц на неделе. То она увлекается танцами, то вдруг стала брать уроки пения. Все перепробовала, всем переболела... Они с отцом в этом очень похожи. Ну а потом, года полтора назад, у нее появился мальчик. Не скажу, чтобы мне были по душе такие ранние связи, но Хоакин действительно был парнем незаурядным — прекрасно воспитан, на хорошем счету у преподавателей... И не усидчивостью брал — все схватывал на лету. Характер гордый такой, независимый. Ну и...

— И что?

— Он ушел, пообещав мне больше с ней не встречаться. Кто бы мог подумать, чем все это кончится... Тина завела себе подружку, Патри, и на пару с этой девицей они снимают комнату... или студию, не разберешь. С тех пор редкую ночь она проводит дома. Тина теперь увлекается живописью. Дан, я и глазом не успела моргнуть, как все полетело к черту... Эта Патри ее отравила. Когда она говорит, я слышу, что все это — не ее, чужие слова, чужие мысли. Так думает и говорит эта несносная Патри...

— Дай адресок, может, застану ее или подружку.

С тахты поднялась не Роберта — согбенная годами и работой старуха. Щурясь, долго искала запись на букву Т. Выписав адрес, протянула клочок бумаги.

XII

Я решил завернуть домой. Кстати, возьму свою машину. Навстречу мне из подсобки вышел дневной консьерж Франсиско.

— Как дела, сеньор Рос? Во вторник к вам заходили... Позавчера то есть. Мужчина какой-то с пакетом.

Ноги мои мгновенно вросли в пол.

— Где он?

— Как — где? Ушел.

— Да нет, я о пакете.

— А, вон оно что... Да нет, пакет он не оставил.

— А каков он был на вид?

Как рыболов, демонстрирующий домашним размеры упущенной добычи, Франсиско двумя жестами выдал мне лаконичную информацию. Выходило, пакет был сантиметров сорок на сорок.

— А мужчина как выглядел? Моих лет, шатен, одет со вкусом...

— В точности он!

— Во сколько это было?

— В восемь вечера,— без запинки отрапортовал Франсиско.

Дома мне вдруг показалось, будто я вернулся из долгого изгнания. Первым делом я ринулся к холодильнику — и остолбенел: здесь, на кухне, стоял телефон... Стоп! Автоответчик.

Я зарядил кассету, нажал клавишу... Тут же зазвучал голос моего издателя:

— Дан,— забасил он,— я не слишком тебя обременю, если ты поломаешь голову над заголовком к своему детективу?..

И вот наконец:

— Дан, мне нужно срочно тебя увидеть. Звони в «Карма». Надеюсь, понял, кому?

Хави. Столько лет молчал... Значит, это было во вторник?

Звонок от моей бывшей жены, Анхелес, и опять Хави.

— Дан, тебя нет дома или просто не хочешь отвечать? — В голосе явственно пробивались тревожные нотки.

Первая запись на автоответчике появилась утром — и издатель, и Хави рассчитывали застать меня еще дома. Во второй раз он позвонил вечером, в восемь был уже здесь. И все. Среда не донесла ни единого его слова.

— Роберта, прости, что опять беспокою. Соседка еще не вернулась?

— Дураки мы с тобой, нет, чтобы сразу спросить у консьержки. Он заходил в начале девятого.

Не застав меня, Хави отправился к Роберте... А дальше? Куда он с этим пакетом мог еще деться? И что было в пакете?

Я снова снял телефонную трубку.

— Даниэль, какого черта... Что ты там вытворяешь? — раздался родной такой голос Пако Мунтане.— У Менендеса уже есть ордер на твой арест, одной подписи не хватает. Менендес настолько уверен в успехе, что не счел нужным скрывать ход дела от меня. В детали, конечно, не стал вдаваться, но я понял, что ему не хватало одной какой-то детали, которая бы все прояснила... А теперь он вроде напал на след.

— Что, действительно так серьезно?

— Очень,— окончательно убедил меня Пако.— Ты откуда звонишь?

— Из дома.

— Да ты не иначе как спятил! Мотай оттуда живей, если не хочешь провести ночь в полицейском участке, а там и до тюрьмы недалеко. Пепа мне уже передала, что ты решил действовать на свой страх и риск. Поверь, мне нелегко говорить тебе, но... Продолжай в том же духе, понял? Все решится в считанные часы, запомни это! Чем смогу — помогу через свою агентуру, но для этого нужно время, а оно истекает.

— На кой черт тебе ввязываться, если Менендес держит нас обоих под прицелом!

— Ты о себе подумай, а я уж как-нибудь... Слушай внимательно. В Хави стреляли в упор из револьвера тридцать восьмого калибра. Убийца стоял почти вплотную, и скорее всего твой друг отчаянно защищался... Пуля пробила верхнюю часть сердца, но смерть наступила не сразу... Когда именно, пока не знаю. И еще: об убийстве стало известно в шесть утра, кто-то позвонил дежурному по управлению.

— Мужчина?

— Не похоже.

— Значит, женщина?

— Я сказал: кто-то. Доброжелатель, видно, воспользовался носовым платком.

— Кому-то очень нужно было поскорее поставить в известность полицию...

— Заметь, дверной замок в полном порядке. Хави сам открыл дверь убийце, а может, вместе с ним и пришел. У меня все... А теперь уходи, и как можно скорей.

XIII

Я оставил машину за углом. Похоже, за домом Хави никто не наблюдал. Поднявшись на этаж выше его квартиры, я вышел из лифта и, стараясь не шуметь, прошел два лестничных пролета. Дверь Хави была опечатана, зато на площадке — никого. Может быть, они оставили засаду в квартире?..

Вот он, пожарный выход. И дверь, конечно, заперта... Не скажу, чтобы это была одиссея, но внукам, думаю, будет что рассказать,— и как взламывал дверь, и как по прутьям спускался, и как шел потом по карнизу, прилепившись к кирпичной стене. Когда наконец подобрался к его окну, ноги едва держали. Собравшись с силами, я выбил стекло.

Это окно вело в кухню. Ничего здесь не обнаружив, я прошел в спальню. Пакета не было.

Вот и гостиная. На полу — четко обведенный мелом силуэт Хави. У шкафа, кем-то уже сложенные в кучу, лежали разрозненные альбомы. «Hollies», «Manfred Mann», «Spencer Devis Group», «Led Zeppelin»...

Стоп! Утром ведь что-то случилось со мной на этом вот самом месте. Что-то тогда мелькнуло... Сектор «А», теперь — «В». Да что же это такое, откуда тревога?..

Да нет, невозможно...

«Битлз»!

Ни единой пластинки!

Если Хави на чем-то и спятил по-настоящему, к кому-то пылал страстью, так это к ним. Для него вся эта коллекция без «Битлз» гроша ломаного не стоила.

Я вновь подошел к шкафу, поправил «Bee Gees», за отсутствием «Битлз» прислонившиеся к «Beach Boys», и так уже, на всякий случай, пошарил в глубине щели... Ей-богу, не знаю, зачем. Там, прижатый к стенке последним альбомом «Beach Boys», стоял вкладыш-плакат из «Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band».

XIV

Тина с подружкой снимали студию в обшарпанном доме, уныло выглядывавшем из-за облупившейся невысокой стены — вероятно, его ровесницы. Дребезжащий звонок сварливо известил о моем приходе, и вскоре за дверью послышались чьи-то настороженные шаги. Смолкли. Ни звука больше. Если это Тина, то что ей так тревожиться? Я позвонил еще раз.

Замок щелкнул, и в дверной щели сверкнули любопытством глаза незнакомки.

— Привет,— подмигнул я им дружелюбно и уж собрался спросить насчет Тины, но тут дверь застопорилась.

— Так, значит, это вы...

Явно заколебавшись, она внимательней всмотрелась в меня. Не совсем было ясно, кого здесь так дожидаются, и я поспешил ее успокоить... А заодно, признаться, и себя.

— Я Даниэль Рос, приятель Тины. Она здесь?

Видно было, как расслабились напрягшиеся вдруг черты лица. Осторожно просунувшись в дверь, девица стала вглядываться в сторону лестницы. Видно, она кого-то поджидала, но явно не меня.

— Тины нет,— услышал я наконец.

— Мне очень нужно поговорить с ней,— стоял я на своем.

— Сказано вам: нет ее,— обрезала она.

Вот когда до меня дошло, отчего Роберта в таком отчаянии: все в этой девице, Патри,— и манера разговора, и лицо, и фигура, и руки — было вульгарно и отвратительно.

— Так где же Тина? — поинтересовался я.

— Откуда я знаю? Звякните ей вечерком, утром,— намерение ее захлопнуть дверь перед моим носом было уже очевидным.— И вообще очень может быть, что Тина сегодня не придет.

А она определенно нервничала! Патри снова выглянула на лестницу, а я, проскользнув мимо нее, ринулся в квартиру.

— Послушайте, как вас там... Эй, да постойте вы! — Патри на ходу стала менять тактику.— Я же ведь только сказала, что ее нет здесь! Но я знаю, где можно найти Тину.

Я уже успел расположиться в единственном на всю комнату кресле. Да, скорее всего это была мастерская —

судя по живописному беспорядку, в котором расположились подрамники, мольберты, законченные картины, эскизы, этюдники...

— Так где я могу ее увидеть?

— С час назад она ушла послушать рок-группу. Есть у них одно местечко...

— А группа эта, случаем, не «Космическая пыль»?

— Она самая. Они репетируют на перекрестке улиц Эстивильи и Гондураса. Дом невозможно спутать — это громадный универмаг, по фасаду слева увидите дверь.

Она, конечно, ждала, что теперь-то мне точно пора выметаться, но я не сдвинулся с места, и Патри снова вскинулась.

— Я, кажется, сказала, где ее разыскать. Какого черта вам еще нужно?

— Всего пару вопросов... Кстати, запах кокаина ни с чем не спутать, и он долго не выветривается... Вот что, Патри: давайте разойдемся с миром, а для этого нам надо поговорить по душам. И чем быстрей это случится, тем лучше — для вас же. Вы ведь кого-то ждете?

— Я? Кого это?

— Значит, мне показалось. Ты просто хочешь, чтобы я ушел. Расскажи мне тогда, что связывает Тину с этой группой.

Патри бросила взгляд куда-то вправо. Я проследил за ним — на стене висели часы. В глазах Патри уже явственно читалось беспокойство.

— Было время, Тина просто заболела музыкой. Мечтала стать певицей...— Наконец-то Патри решила отделаться от меня малой кровью.— Мечтать-то мечтала, да голосок не потянул, вот тогда она и переключилась на живопись. Когда ее папаша опять обосновался в Барселоне, он стал таскать ее на рок-концерты. Тина для него была чем-то вроде «голоса улицы» — ее мнение он всерьез учитывал, разрабатывая программу фирмы. В то время мы уже жили с ней вместе, и я познакомила ее с Ману — моим братом, а уж он свел Тину с группой. Она прямо обалдела от их песен и как-то вечером привела к отцу на прослушивание. Они и ему понравились, и, как я слышала, фирма готовит к записи диск «Космической пыли»... Ну, что еще вам от меня нужно?

— А почему она сейчас там, именно сегодня?

— Тина пришла к обеду в совершенно разобранном состоянии, прямо на грани истерики. Рассказала мне об убийстве и еще о том, что ей необходимо хоть как-то развеяться и все обдумать.

— Что именно?

— Не знаю... Она об этом и словом не обмолвилась. Очень скоро я пожалела, что отпустила ее одну: когда человек в таком состоянии, всякое может случиться. Ну, я и отправилась по уже известному вам адресу.

— И она была там?

— Да. Я пыталась уговорить ее вернуться со мной, но Тина попросила оставить ее в покое.

— Что ж, Патри, и на том спасибо.

Глаза Патри стали медленно наливаться кровью. Вид ее был ужасен — наверное, настало время принять очередную дозу наркотика. Господи, неужели Тина...

XV

По счастью, дверь оказалась незапертой. Толкнув ее, я тут же очутился в кромешной тьме. Судя по всему, «Космическая пыль» арендовала одно из складских помещений универмага. Попривыкнув к темноте, я стал различать неясный, льющийся откуда-то из глубины свет, и осторожно, то и дело натыкаясь на какие-то коробки и ящики, двинулся на него и вышел к некоему подобию сцены. Двое парней возились с микрофоном, остальные — с аппаратурой. Вокруг сцены, выписав полукруг, стояли потрепанные стулья и кресла. В одном из них сидела Тина. Меня она пока не видела, но для ребят из группы мой приход не прошел незамеченным.

— Привет! — Форту нимало не удивило мое появление.

Тина обернулась.

— Ты как сюда попал? — В голосе ее не было тревоги, но звучал он напряженно, натянуто.— Что тебе здесь надо?

— Поговорить с тобой, и как можно скорее.

На плечо мне легла рука Форту — тоже не устояла перед соблазном, сошла со сцены.

— Это что же, ты передумал и решил прямо сейчас начать репортаж о нашей группе?

— Все так. Однако сначала мне надо поговорить с Тиной.

А ведь Тина ни словом не обмолвилась здесь об отце — в этом я мог поклясться. Любопытно, почему. Может, из боязни показного сочувствия? Или потому, что ключ к их успеху был у Хави?

Выйдя на улицу, я повел ее к своей машине. Странно, отчего-то непонятно было, как начать разговор.

— Послушай, Тина,— предпринял я отчаянную попытку разрушить стену отчужденности, все еще разделявшую нас.— Твой отец вчера пришел ко мне с каким-то пакетом часов в восемь вечера. Мы уже несколько лет не виделись, и надо же было ему прийти за день до убийства...

Наконец-то ее глаза засветились живым интересом.

— Понимаешь, а я в это время был в Бильбао, и Хави не захотел оставить пакет у консьержа. В начале девятого он зашел с этой штукой к твоей матери, но она была в кино, а ты...— мне не хотелось поминать имя Патри,— и тебя дома не было. И он опять ушел ни с чем... Куда? Не знаю. И вообще неизвестно, видел ли его с этого момента кто-нибудь живым, кроме убийцы. Может быть, ключ — как раз в том пакете...

— Какой ключ?

— Ко всей этой истории, Тина... А он к тебе не заходил? Может, Патри забыла сказать тебе о пакете — ты была в таком состоянии...

— Может быть. А что ты о ней знаешь?

— Я пришел сюда как раз из вашей студии. Патри и сказала мне, где тебя разыскать.

Все это я сказал как можно более безмятежным тоном, и Тина облегченно вздохнула.

— Если Хави так важно было отдать тот пакет кому-то... Остаешься только ты. Во всяком случае, у него дома ничего похожего нет, ручаюсь.

— Даниэль,— Тина как-то странно посмотрела на меня,— ты что знал об отце в последнее время?

— Ровным счетом ничего,— признался я.— Это, конечно, неприлично, да что поделать... Я даже не знал, что он вернулся в Барселону. За один сегодняшний день я узнал о нем гораздо больше, чем за все эти годы.

— Гораздо больше? А что именно? А...— Тина запнулась на мгновение, потом, набрав, видимо, полную грудь воздуха, с шумом выдохнула: — А о последнем его увлечении тебе что известно?

— Тина, прошу тебя, выражайся ясней!

— Если и вправду твое имя... точнее, фамилию написал отец или убийца, он ведь мог иметь в виду совсем не тебя?

— Ну вот еще! Конечно же, меня, больше некого!

— «Дан», конечно, звучит коротко. Но «Рос»... Не знаю я фамилии короче. И ясней, понимаешь?

— Да нет другого Роса!

Тина грустно глянула на меня — совсем как взрослый человек на несмышленыша.

— Сегодня утром,— голос ее звучал сдавленно,— я сказала, что надо подумать... Обо всем. Особенно — тебе. Теперь я вижу, что... Даниэль, мне очень жаль, но... Последней женщиной моего отца была Анхелес, твоя бывшая жена.

XVI

Мой автомобиль и отроду был невелик, но в ту минуту, кажется, сделался совсем крошкой — во всяком случае, обуявшей меня ревности здесь явно не хватало пространства. Разведясь, люди рано или поздно обзаводятся другими связями, и все-таки...

Я сидел, ничего не видя, не слыша.

Теперь, значит, еще и Анхелес.

— Он сказал, что, вновь увидев Анхелес, он будто бы снова встретился со своей молодостью, что вновь задышал

полной грудью,— грустно произнесла Тина.— Многое он мне рассказал, когда понял, что их связь перестала быть для меня секретом.

— А обо мне говорил что-нибудь?

— Конечно, но многое я ведь и так знала — ну, что вы были неразлучны, о вашей страсти к «Битлз»... И еще он сказал, что не уверен — вполне может быть, что ты продолжаешь любить Анхелес. Теперь ты понимаешь, что «Рос» могло означать нечто совсем иное?

Ее довод вновь вернул меня в реальность, в которой был бедный убитый мой друг, и еще полиция, идущая по моему следу.

Менендес оказался куда ловчей меня. Бывший муж узнает о связи его экс-жены с его другом и... Убийство на почве ревности. Все очень просто.

— Убийца, выходит, знал об их отношениях и той роли, которуя я, сам того не зная, играл в этой комедии,— сказал я деланно бодрым тоном.

— А ты не подумал, что папа пришел к тебе, чтобы откровенно все рассказать?.. Как мужчина мужчине? Уж ты-то должен знать, что он всегда был человеком порядочным.

Ах, Тина... Любовь и порядочность — понятия редко когда совместимые. А может быть, она и права.

— С пакетом или без, по профессиональным, идейным или любовным соображениям — за что-то он был ведь убит! Тут я выяснил, что у Хави набралось порядочно недругов. Ты знала об этом?

— Нет, но предполагала. Когда пытаешься поднять со дна на поверхность целое предприятие, без жертв не обойтись. А вот что я точно знаю,— Тина оживилась,— так это то, что ему посулили кредит в двести или даже триста миллионов и крупный заграничный контракт — я была в его кабинете, когда ему позвонили какие-то финансисты... Недели три назад, наверное.

— Стало быть, банки этот кредит уже предоставили... Скорее всего. Контракт тоже мог быть заключен.

— Наверное.

— Черт, и как это ему удалось? Деньги на ветер здесь не бросают, а «Карма» только-только стала очухиваться после кризиса.

— Отец был настоящий игрок, и «Карма» стала последней его ставкой. Сантакана предоставил ему делать все что заблагорассудится, а он только об этом и мечтал. Знаешь, он часто вспоминал ваши годы — битлов, и как вы мечтали музыкой спасти мир... Он говорил, что спасти «Карма» для него — значит завершить начатое вами тогда.

— Послушай, Тина, может, нам заехать к тебе в студию — вдруг этот пакет там лежит?

— Не знаю...— Видно было, что моя идея не особенно ее воодушевила.— Но если ты считаешь это необходимым...

— Послушай, ты тоже... балуешься наркотиками?

Тина перевела взгляд на убегающую под колеса дорогу.

— Нет,— сказала наконец, помолчав.

— Ну, значит, будешь.

— Нет! Нет!!! Патри тоже пытается бросить. Вот почему, в частности, я не могу ее оставить. Послушай, Даниэль... Она ведь была единственным человеком, кто помог мне, когда приспичило. Дело в том, что мне пришлось сделать аборт. А отцу и матери я не могла об этом рассказать. Даниэль, я прошу тебя...— Голос Тины звучал устало.

Я действительно, кажется, переборщил: слишком много свалилось на девочку — а она совсем еще девочка, чтобы так ее донимать. И, чтобы сменить тему, я поинтересовался:

— Послушай, ты не знаешь, куда подевались отцовские пластинки «Битлз»?

— Да они там, в его комнате, где же еще...— Она поколебалась.— Больше быть негде — он очень ими дорожил.

— Правильно делал. Но там их больше нет. Ни одной.

— Не понимаю, куда они могли подеваться,— Тина совсем расстроилась,— правда, не понимаю...

XVII

Тина открыла дверь своим ключом.

— Патри! — позвала она с порога.

Молчание.

В полутемном коридоре трудно было что-то разобрать, и, лишь войдя в комнату, мы поняли, что в интерьере произошли серьезные перестановки: казалось, по студии прошелся ураган.

На полу, вперемешку с содранными с подрамников холстами, валялись изломанные ящики секретера, за реставрацию кресла не взялся бы ни один специалист...

— Стой где стоишь, не двигайся! — приказал я Тине.— Что здесь искали?!

— Не... Не знаю.— Голос ее прозвучал едва слышно. Она была на грани обморока, и мне пришлось сильно встряхнуть Тину за плечи, чтобы хоть как-то привести в чувство.

— Я правда... Не знаю.

Я понял, что она говорит правду — достаточно было заглянуть ей в лицо.

— Кого Патри сегодня ждала?

— Боже мой, это какой-то абсурд... Я ничего не знаю!

Я все равно нашел бы их рано или поздно, но мне повезло почти сразу: из-под обломков какой-то картонной коробки выглядывал уголок «Abbey Road». Там же лежали и остальные альбомы «Битлз». В том, что они — те самые, я не сомневался ни секунды, да для этого вполне достаточно было раскрыть «Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band» и пошарить в кармашке. Вкладыша, разумеется, там не оказалось. Но сам кармашек был изрядно помят, как будто в него был уложен какой-то предмет, вполне подходивший ему по размерам, но под тяжестью соседних дисков слегка деформировавший отделение; отчетливо выделялись очертания этого предмета — скорее всего книги, записной книжки...

— Это... папины диски? — прозвучал над моим плечом голос Тины.

— Да, в этом можно не сомневаться.

Рядом с альбомом валялась смятая упаковка. Развернув ее, я обнаружил клочок бумаги, исписанный торопливым почерком.

— Это рука отца...

Да, это был нервный, порывистый почерк Хави: «Любимая моя Тина! Если мы с тобой не увидимся раньше, до самого своего дня рождения не открывай это».

— Значит, ждать мне осталось ровно три месяца...— эхом моим мыслям ответил голос Тины.

— Не думаю, чтобы это был подарок,— заметил я.— Он написал это, чтобы Патри не проявляла излишнего интереса к пакету и чтобы ты не раскрывала его, прежде чем Хави сам с тобой не поговорит. Или не заберет пакет обратно.

— Ты хочешь сказать, что это и есть тот самый...

— Очень может быть. Хави что-то спрятал в альбом, и сделал это так, чтобы тот, в чьих руках он окажется, ни о чем бы не догадался... Где Хави провел ночь и что он делал в день убийства — вот в чем вопрос...

— А что, это так важно?

— Так же, как и роль, которую сыграла Патри в этой истории с конвертом. Понимаешь, у меня сразу сложилось впечатление, что с порога она приняла меня за кого-то другого, пока я сам не представился.

— И что из того?

— А вот что: Патри вступила в игру, когда сюда пришел твой отец,— это очевидно. Хави в тот момент мог сильно нервничать, а может, она просто заметила какую-нибудь странность в его поведении... В общем, она соглашается передать пакет тебе и даже не притрагивается к нему, но ты-то день у нее не была, приходишь только сегодня, и с каким известием... Дальше возможны два варианта: либо Патри просто забывает о поручении твоего отца, либо, напротив, накрепко связывает его с убийством... В любом случае, когда ты уходишь, она раскрывает пакет и находит то, что Хави спрятал в кармашек альбома. Что-то в этой находке подсказало Патри, что находка эта до-

статочно ценная... Хотя, вполне возможно, она до конца и не понимала ее истинного значения.

— Ты хочешь сказать, что она... попыталась извлечь из этого выгоду?

— Вот именно. Этим и объясняется ее нервозность — она кого-то ждала, но, видно, не особенно верила в успех своего предприятия... Или ставка в игре была слишком высокой. И, судя по всему, человек, которого Патри вызвала, не слишком оправдал ее надежды. А может, она успела перепрятать находку?

— Даниэль! — В глазах Тины мелькнул испуг внезапной догадки.— А ведь Патри была там... Ну, на складе. Пришла лишь убедиться, что со мной все в порядке, а потом...

— ...Вернулась сюда, иначе мы с ней бы не повидались. А в таком случае... Тина, она долго там пробыла?

— Минут пять, не более. Я только сказала, что все со мной нормально. Она ни на чем не настаивала, только вот что странно: посоветовала, чтобы эту ночь я провела с мамой...

— И все это время она была с тобой или куда-нибудь отлучалась?

— Не знаю...— Вид у Тины был совершенно расстроенный.— Как раз в это время подошла Форту, я с ней заговорила... Стоп... Кажется, Патри направилась к умывальнику.

— Она, конечно, притащила с собой эту штуку!..

Внезапно я оборвал фразу, так ее и не закончив. Тина тоже замолчала. Кажется, нам в голову пришла одна и та же страшная мысль.

— Так, значит, вернемся туда? — Тина старалась держаться молодцом.

Зажав альбомы в одной руке, другой я мягко подтолкнул Тину к выходу.

— Девочка моя, Патри шантажировала убийцу: наркоман всегда играет с огнем. Знаешь что, езжай-ка ты быстренько домой, мать заждалась. И никуда не высовывайся.— Я наклонился и поцеловал ее.

XVIII

Припарковался я подальше от универмага, чтобы не светиться заранее. Боковая дверь по-прежнему оставалась незапертой. Я приоткрыл ее, за дверью меня встретила темень и тишина. Вдали, в призрачном полумраке, плавали размытые контуры сцены — наивного космодрома, с которого «Космическая пыль» намеревалась стартовать в славу.

Ну, с богом. Шаг. Еще шаг и еще. Все тихо. И тут я напоролся на какую-то дрянь: на меня посыпалось черт знает что — то ли битая посуда, то ли забытая тара...

Но хуже всего было не это: те три-четыре лампы, что еще как-то указывали путь к сцене, мгновенно погасли.

— Патри! — Я не узнал своего голоса. И вообще зачем Патри откалывать такие штучки?.. Так кто же это тогда?!

И тут я вспомнил, что еще утром, разменивая у киоскера мелочь на телефон-автомат, был вынужден взять коробок спичек.

Зажигая спички одну от другой, я преодолел большую часть дистанции. Черт! И тут коробок выпал из рук. Я медленно опустился на колени. Пошарил руками. Вот они, родимые, вот. Третья спичка — еще два шага. Последняя, мигнувшая вспышка высветила прямо передо мной, на полу, какую-то кучу тряпья. Откуда она взялась? Я зажег четвертую и наклонился, чтобы рассмотреть получше.

Наверное, это и спасло мне жизнь.

...Первый удар пришелся бы как раз в голову, но я наклонился, и нападавший не устоял, рухнув на меня всем телом.

Был момент, когда показалось — я вырвался. Я отчаянно пихался, ощущая под пальцами то ли медали, то ли огромное количество пуговиц. И тут заработали его кулаки. Я уходил из сознания, понимая, что он все еще бьет.

Перевел с испанского Н. ЛОПАТЕНКО
Рисунок Александра КОЛОМАЦКОГО

Продолжение следует

Видеоклуб

Несмотря на то, что в № 6 за 1989 год мы опубликовали воспоминания американского киноактера Чака Норриса о его друге — актере и спортсмене Брюсе Ли, читатели продолжают заваливать нас письмами. Они не верят — теперь уже не только нам, но и Чаку Норрису. В этом материале, основанном исключительно на данных самых солидных американских и французских киноэнциклопедий, мы приводим биографию и полную фильмографию актера.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДРАКОНА

Брюс Ли (Bruce Lee) родился в 1941 году в Сан-Франциско, в семье звезды китайской оперы Ли Хоу Чу. Семья переехала в Гонконг, где мальчик учился и время от времени работал в театре, исполняя детские роли. Уже юношей он вернулся в Америку и поступил на философский факультет Вашингтонского университета. Брюс начал давать уроки искусства поединка и открыл в Вашингтоне Академию кун-фу; позже он организовал несколько подобных школ в Калифорнии. В 1964 году работники телевидения пригласили Брюса Ли преподавать кун-фу артистам и предложили даже небольшую роль Като в популярном телесериале «Зеленый шершень». Ли участвовал также в работе над фильмами «Марлоу» (1969 г.) и «Аварийная команда» (1969 г.) в качестве постановщика трюков, исполнителя эпизодических ролей и консультанта по восточным единоборствам.

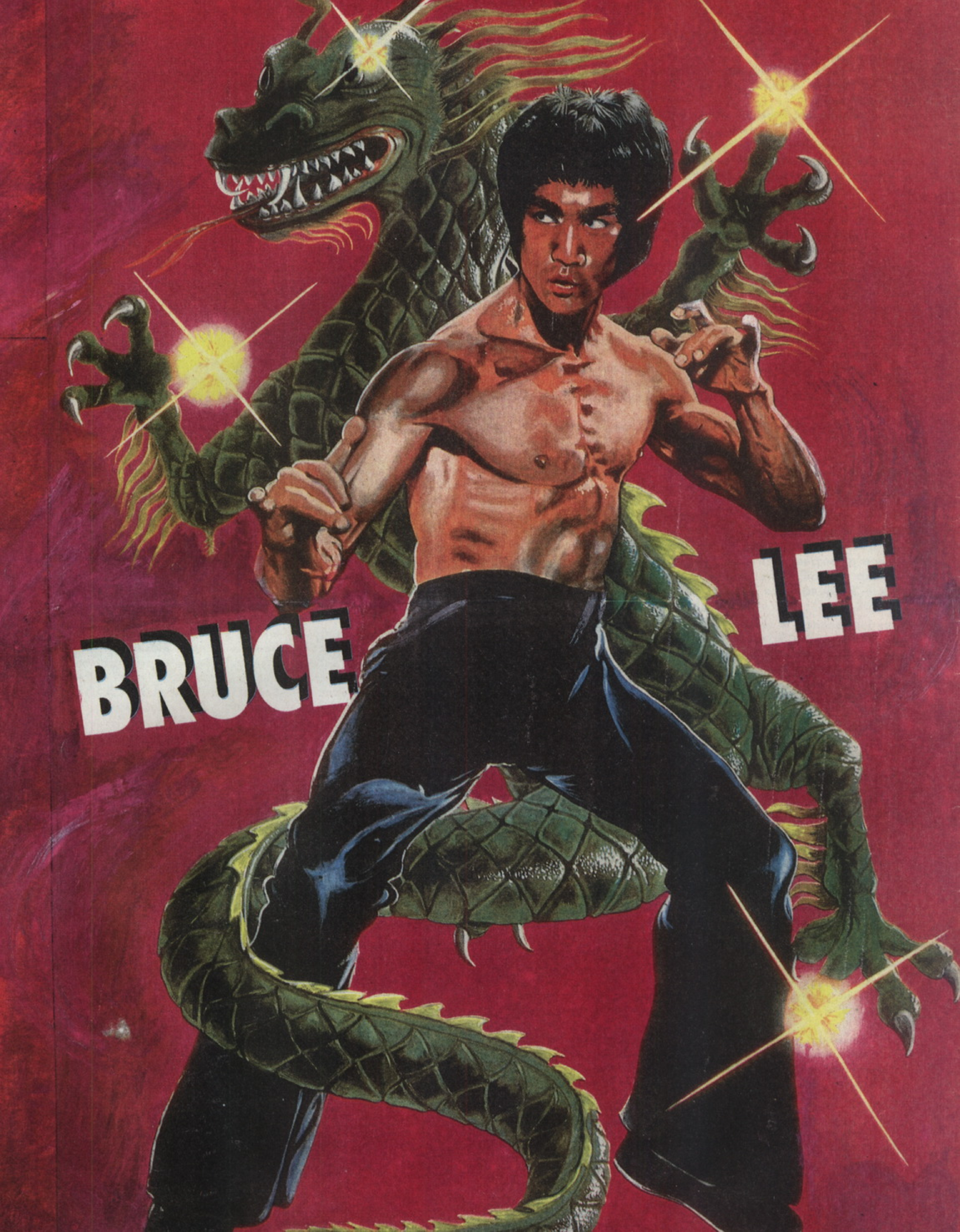
Брюс считал себя неудачником — его давней мечтой было стать постановщиком фильмов «о каратэ и кун-фу», а возможности реализовать ее в США он не имел. И для того чтобы попробовать свои силы в этом деле, Брюс Ли снова отправляется в Гонконг. Первая его работа в этом жанре называлась «Большой босс» (1972 г.) — в американском варианте «Кулаки ярости». Снятая в короткие сроки, она была по меркам кинобизнеса весьма дешевой в производстве — всего сто тысяч долларов, но прибыль, полученная от ее показа в странах Азии и в США, превысила миллион.

С каждым новым фильмом Брюс усложнял трюки, увеличивал количество боевых поединков, что существенно «било» по его карману. Но доходы от проката регулярно и с лихвой окупали все затраты. Фильм «Китайская связь» (1973 г.) был особенно насыщен сценами кровавых рукопашных боев, чем вызвал нарекания критиков. Лучшим ответом им были толпы поклонников таланта Брюса Ли, заполонившие кинозалы.

Ли, его жена американка Линда и двое их детей жили в уединении в огромном особняке в Гонконге. 20 июля 1973 года Брюс умер в этом доме при загадочных обстоятельствах. Ему было всего 32 года. Странная смерть знаменитого артиста и спортсмена вызвала самые различные слухи — зачастую путая актера с его киногероями, одни поклонники уверяли, что он стал жертвой давно преследовавшей его мафии, другие — что умер вовсе не Брюс, а настоящий Брюс Ли таким образом скрылся от этой самой мафии. Возник целый ряд имитаторов с именами типа Брюс Ли (Bruce Li), Брюс Ле (Bruce Le), Брюс Лей (Bruce Lei), создавших массу слабых подобий фильмов актера (к примеру, «Король смертельной схватки», «Дракон уходит, появляется тигр» и пр.). Реальный Брюс Ли «возродился» дважды: в фильме по его сценарию «Железный круг» (1979 г.) с Дэвидом Кэррадайном в роли, предназначавшейся для Брюса Ли, и в картине «Игра со смертью», смонтированной из отснятых Брюсом черновых материалов.

Фильмы, в которых Брюс Ли снимался как актер: «Приход дракона» («Enter the Dragon», 1973 г.), «Возвращение дракона» («Return of the Dragon», 1973 г.), «Зеленый шершень» («The Green Hornet», 1974 г., фильм сделан на основе старого телесериала), «Путь дракона» («The way of the Dragon», 1974 г.).

М. ПИРУС

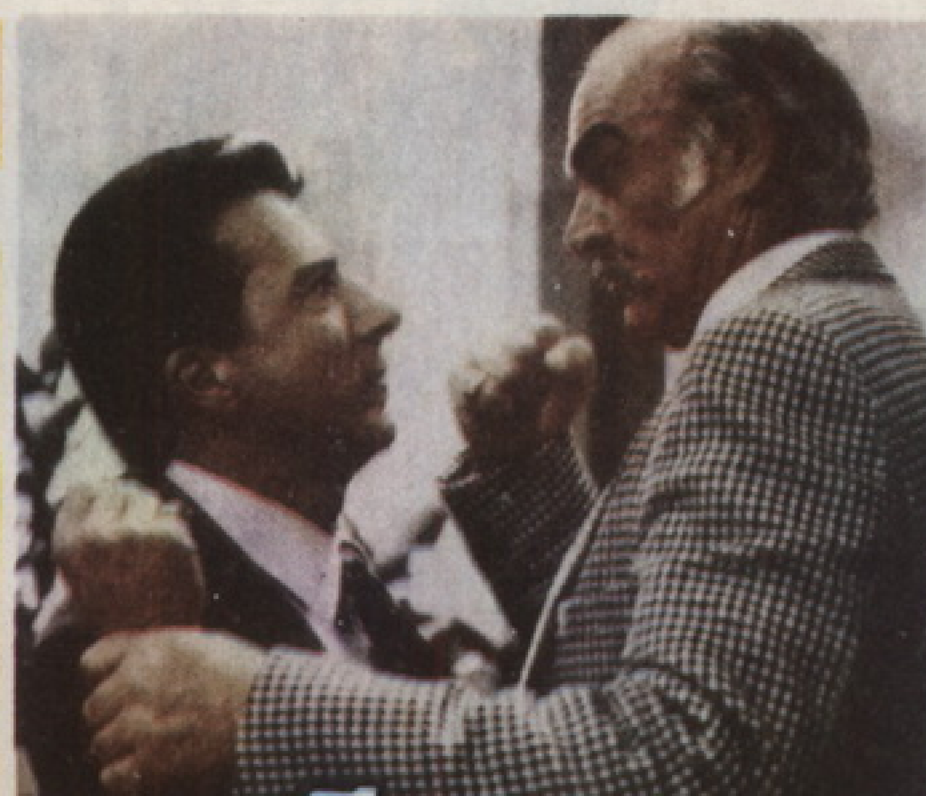

BRUCE
LEE

КОШМАР на УЛИЦЕ ВЯЗОВ V

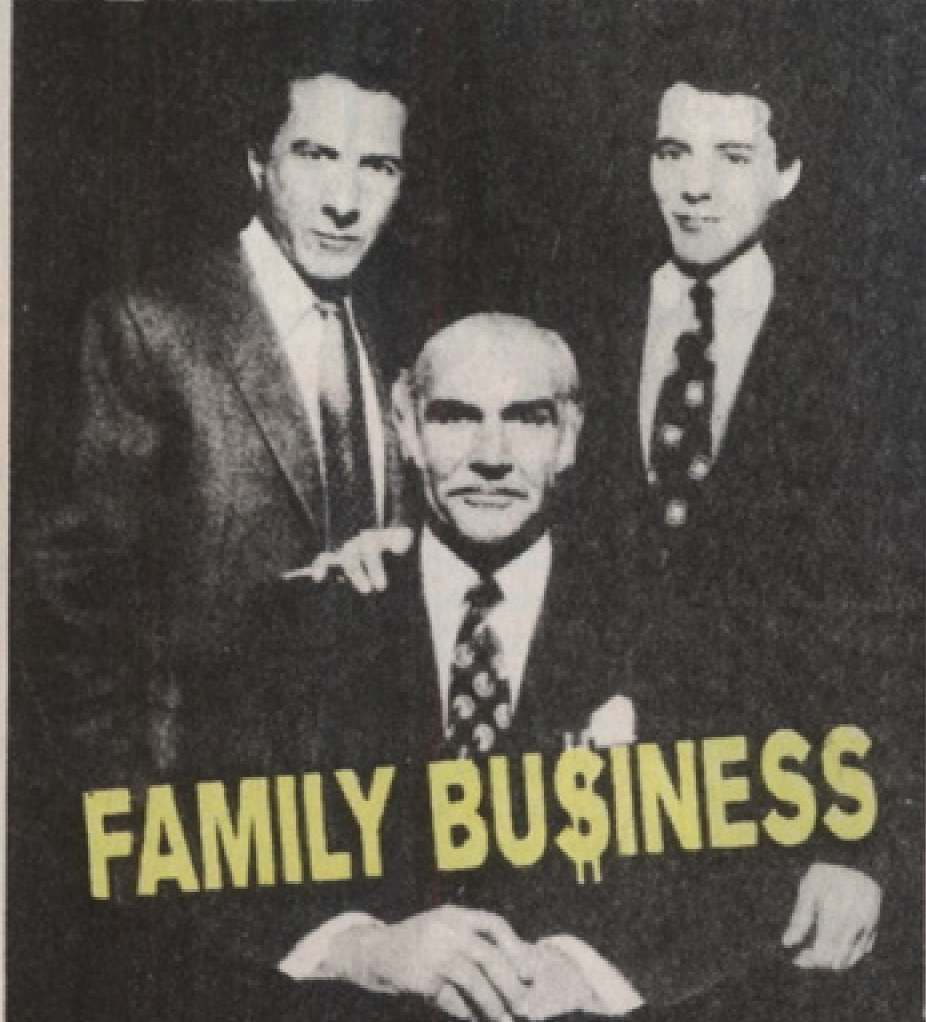
США. 1989 г. 1 ч. 48 мин. Реж. Стивен Хопкинс, в ролях: Роберт Энглунд (Фредди Крюгер), Лиза Уилкокс (Элис), Дэнни Хассел и др.

Сразу же вслед за четвертым «Кошмаром» на зрителя обрушился пятый. Рабочее название —«Дитя сна». То, что раньше творил злобный Фредди, дитя ночных кошмаров подростков, проживающих на улице Вязов,— это еще цветочки. Нынче он, похоже, распоясался совсем. Как известно, для него нет ничего святого, а тут он забирается в сладкие сны... еще не рожденного ребенка, которого носит под сердцем одна из жительниц проклятой улицы, Элис. Пока дитя не родилось, Фредди успевает нарезать ломтиками целую компанию друзей Элис, которые, как в каждой серии, отказываются верить в его существование.

СЕМЕЙНОЕ ДЕЛО

США. 1989 г. 2 ч. Реж. Сидни Люмет, сцен. Винсент Патрик, комп. Кай Коулман. В ролях: Шон Коннери (Джесси Макмаллен), Дастин Хоффман (Вито Макмаллен), Мэтью Бродерик (Адам), Розанна Де Сото (Элейн) и др.

Джесси Макмаллен, отец Вито и дедушка Адама, ведет беспутную жизнь: волочится за молодыми девицами, пьет, не брезгует кражами, и поэтому, когда молодой Адам Макмаллен получает сомнительное предложение — ограбить некую лабораторию, он обращается за помощью к собственному деду, и дед с восторгом соглашается. Отец Адама Вито — человек добропорядочный, он приходит в ужас от этой затеи, но ему не удается расстроить планы деда и внука. Однако Вито не в силах бросить сына на произвол судьбы и вынужден «войти в дело» третьим. Втроем они готовят ограбление. Наступает назначенный день, и сначала все идет гладко, но внезапное появление полиции путает карты. Младший член «семейной банды» схвачен. И тогда беспутный дедушка жертвует собой...

США. 1988 г. 2 ч. 05 мин. Реж. Ридли Скотт, сцен. Крейг Болотин, Уоррен Льюис, комп. Ганс Циммер. В ролях: Майкл Дуглас (Ник Конклин), Энди Гарсиа (Чарли Винсент), Кен Такакура и др.

Полицейский из Нью-Йорка Ник Конклин прибывает в Осаку, чтобы помочь японским коллегам обезвредить опасного международного преступника. Естественно, наш герой справляется со своей задачей, но... Фильм этот вызвал серьезную критику в американской кинопрессе — режиссер обвинялся чуть ли не в расизме, поскольку, как казалось критикам, он высмеивает традиционные японские взгляды (в частности, кодекс чести, присущий японскому полицейскому, который мешает ему бороться с современным преступным миром). Но японская пресса и японские зрители встретили этот фильм крайне благожелательно — они, напротив, увидели в нем пропаганду традиционных японских ценностей... Вот такое столкновение культур и взглядов на культуру.

ЧЕРНЫЙ ДОЖДЬ

Видеоклуб

JOHNNY HANDSOME

КРАСАВЧИК ДЖОННИ

США. 1989 г. 1 ч. 30 мин. Реж. Уолтер Хилл, сцен. Кен Фридман, комп. Рай Кудер. В ролях: Мики Рурке (Джон Сидли), Эллин Баркин (Санни), Лэнс Хенриксен (Рэйф) и др.

Этот фильм, сценарий которого явно слабоват, тем не менее станет подарком для поклонников Мики Рурке. Он играет нью-орлеанского преступника, чьи патологические наклонности вполне соответствуют его уродству. Двое столь же нехороших преступников «подставляют» его, и он попадает в тюрьму. Тюремный доктор решает сделать герою косметическую операцию, и из-под его скальпеля Джонни выходит настоящим красавцем (то есть с истинным «рурковским» лицом). Но эта операция меняет и внутренний мир героя. Поклонники Рурке оценят его исполнение роли человека с меняющейся не только внешностью, но и душой.

ГОРЯЧИЙ ГОРОДОК

США. 1984 г. 1 ч. 34 мин. Реж. Ричард Бенджамин. В главных ролях: Клинт Иствуд, Берт Рейнолдс и др.

Такое традиционное-традиционное симпатичное гангстерское кино. Герой Берта Рейнолдса, частный детектив, мстит за своего друга, тоже частного детектива, но чернокожего. А помогает разобраться во всей этой истории полицейский, которого играет Клинт Иствуд. В общем, не имело б никакого смысла обращать на этот фильм особенного внимания, если бы не ряд привлекательных черт: во-первых, дело происходит где-то в начале тридцатых годов, и весь «дизайн» фильма наверняка привлечет тех, кто любит ленты «из тех лет». Во-вторых, герои Клинта Иствуда, как правило, люди серьезные, здесь же актер добавил некий иронический оттенок — чуть-чуть, а роль получилась отменная. Совсем другое ощущение. Ну и, конечно, блистательный Рейнолдс...

США. 1990 г. 2 ч. Реж. Андрей Кончаловский. В ролях: Сильвестр Сталлоне (Рэй Танго), Курт Рассел (Гэйб Кэш) и др.

Как уверяет американская критика, этот фильм — нечто вроде варианта «Смертельного оружия». Только в нем снимались готовые звезды — Рассел и Сталлоне играют двух «крутых» лос-анджелесских полицейских. Обыкновенный боевик, и, откровенно говоря, те же критики ждали от Кончаловского куда большего... Ну а для тех, кто все равно любит Сталлоне, сообщаем адрес его фэн-клуба: Creative Artists Agency, Inc. 9830 Wilshire Blrd. Beverly Hills, CA 90212/USA. Может, сотрудники клуба пойдут навстречу зрителям — соотечественникам режиссера и вышлют автографы Сталлоне!

ТАНГО И КЭШ

ИНДЕКС 70781
ЦЕНА 35 КОП.